

Ю.В. Каменская

Введение в славянскую филологию

Учебное пособие

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Саратов, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Тема 1. Современные славянские народы и их языки.....	5
Тема 2. Проблема славянской прародины.....	9
Тема 3. Первые славянские государства.....	13
Тема 6. Духовная жизнь древних славян: славянское язычество.....	38
Тема 7. Принятие христианства в славянских государствах.....	47
Тема 8. Возникновение славянской письменности. Деятельность Константина и Мефодия.....	50

Введение в славянскую филологию – базовый курс направления «Отечественная филология», вводящий в круг знаний, составляющих специальность филолога – русиста, в проблематику изучения современных и древних славянских языков и литератур в связи с историей славянских народов. Данный курс дает представление об истории славянских народов, проблеме славянского этногенеза и ранней истории славян, образовании ранних славянских государств, происхождении славянской письменности, основных этапах развития славянских литературных языков. Эти вопросы и составляют основное содержание курса «Введение в славянскую филологию». К ним примыкают сведения из истории славянской филологии. Завершается курс обзором современных проблем славистики.

Курс «Введение в славянскую филологию» состоит из двух частей – лекционные и практические занятия. В настоящем учебном пособии представлены темы курса, которые обсуждаются на лекциях и семинарских занятиях в форме коллоквиумов («Современные славянские народы и их языки», «Проблема славянской прародины», «Первые славянские государства», «Духовная жизнь древних славян: славянское язычество», «Принятие христианства в славянских государствах», «Возникновение славянской письменности. Деятельность Константина и Мефодия»). Темам, которые изучаются на практических занятиях, посвящено специальное пособие-практикум («Социальная структура древнерусского общества», «Славянские азбуки и памятники старославянской письменности», «Проблема фальсификации источников по славянской филологии (на примере «Велесовой книги»)», «История славянской филологии», «Актуальные проблемы славянской филологии»).

Каждая тема снабжена вопросами, которые помогают студенту структурировать материал и самостоятельно проверить свои знания.

Тема 1. Современные славянские народы и их языки. Праславянский язык.

Славянские языки - группа родственных языков индоевропейской семьи. Распространены на территории Европы и Азии. Общее число говорящих св. 290 млн. чел. Отличаются большой степенью близости друг к другу, которая обнаруживается в корнеслове, аффиксах, структуре слова, употреблении грамматических категорий, структуре предложения, семантике, системе регулярных звуковых соответствий, морфонологических чередованиях. Эта близость объясняется как единством происхождения славянских языков, так и их длительными и интенсивными контактами на уровне литературных языков и диалектов. Имеются, однако, и различия материального, функционального и типологического характера, обусловленные длительным самостоятельным развитием славянских племен и народностей в разных этнических географических и историко-культурных условиях, их контактами с родственными и неродственными этническими группами.

Славянские языки по степени их близости друг к другу принято делить на 3 группы: восточно-славянскую (русский, украинский и белорусский), южно-славянскую (болгарский, македонский, сербохорватский и словенский) и западно-славянскую (чешский, словацкий, польский с кашубским диалектом, сохранившим определенную генетическую самостоятельность, верхне- и нижнелужицкие). Известны также небольшие локальные группы славян со своими литературными языками. Так, хорваты в Австрии (Бургенланд) имеют свой литературный язык на чакавской диалектной основе.

Не все славянские языки дошли до нас. В кон. 17 - нач. 18 вв. исчез полабский язык. Распределение славянских языков внутри каждой группы имеет свои особенности. Каждый славянский язык включает литературный язык со всеми его стилистическими, жанровыми и др. разновидностями и свои территориальные диалекты. Соотношения всех этих элементов в славянских языках разные. Чешский литературный язык имеет более сложную стилистическую структуру, нежели словацкий, но последний лучше сохраняет особенности диалектов.

Иногда диалекты одного славянского языка различаются между собой сильнее, нежели самостоятельные славянские языки. Например, морфология штокавского и чакавского диалектов сербохорватского языка различается значительно глубже, нежели морфология русского и белорусского языков. Часто различен удельный вес тождественных элементов. Например, категория уменьшительности в чешском языке выражена более разнообразными и дифференцированными формами, чем в русском языке.

Из индоевропейских языков славянские языки наиболее близки балтийским языкам. Эта близость послужила основанием для теории "балто-славянского праязыка", согласно которой из индоевропейского праязыка сначала выделился балто-славянский праязык, позже распавшийся на прабалтийский и праславянский. Однако большинство современных ученых объясняет их особую близость длительным контактом древних балтов и славян. Не установлено, на какой территории произошло обособление славянского языкового континуума из индоевропейского. Можно предполагать, что оно произошло южнее тех территорий, которые, согласно различным теориям, относятся к территории славянских прародин. Таких теорий много, но все они не локализуют прародину там, где мог находиться индоевропейский праязык. На основе одного из индоевропейских диалектов (протославянского) позже сформировался праславянский язык, который является родоначальником всех современных славянских языков. История праславянского языка была более длительной, нежели история отдельных славянских языков. В течение длительного времени он развивался как единый диалект с тождественной структурой. Позже возникают диалектные варианты. Процесс перехода

праславянского языка, его диалектов в самостоятельные славянские языки был длительным и сложным. Наиболее активно он проходил во 2-й пол. 1-го тыс. н. э., в период формирования ранних славянских феодальных государств на территории Юго-Вост. и Вост. Европы. В этот период значительно увеличилась территория славянских поселений. Были освоены районы различных географических зон с различными природными и климатическими условиями, славяне вступили во взаимоотношения с народами и племенами, стоящими на разных ступенях культурного развития. Все это отразилось в истории славянских языков.

Праславянскому языку предшествовал период протославянского языка, элементы которого могут быть восстановлены с помощью древних индоевропейских языков. Праславянский язык в своей основной части восстанавливается с помощью данных славянских языков различных периодов их истории. История праславянского языка делится на 3 периода: древнейший - до установления тесного балто-славянского языкового контакта, период балто-славянской общности и период диалектного дробления и начала формирования самостоятельных славянских языков. Индивидуальность и своеобразие праславянского языка начали складываться еще в ранний период. Именно тогда сложилась новая система гласных сонантов, значительно упростился консонантизм, получила широкое распространение в аблауте ступень редукции, корень перестал подчиняться древним ограничениям. По судьбе среднебных *k'* и *g'* праславянский язык входит в группу *satem* (*srъdъce, pisati, prositi*, ср. лат. *cor, - cordis, pictus, prescor; zyно, znati, zima*, ср. лат. *granum, cognosco, hiems*). Однако эта черта реализовалась непоследовательно: ср. праслав. **kamy, *kosa. *go,сь, *gordъ, *bergъ* и др. Существенные отклонения от индоевропейского типа представляет праславянская морфология. Это прежде всего относится к глаголу, в меньшей степени - к имени. Большинство суффиксов сформировалось уже на праславянской почве. Праславянская лексика отличается большим своеобразием; уже в ранний период своего развития праславянский язык пережил ряд существенных преобразований в области лексического состава. Сохранив в большинстве случаев старый лексический индоевропейский фонд, он в то же время утратил много старых индоевропейских лексем (напр., некоторые термины из области социальных отношений, природы и т. д.). Много было утрачено слов в связи с различного рода запретами. Запретным, напр., было наименование дуба - индоевроп. *perkuos*, откуда лат. *quercus*. Старый индоевропейский корень дошел до нас только в имени языческого бога Перуна. В славянских языках утвердилось табуистическое *do,бъ*, откуда рус. "дуб", польск. *da,b*, болг' дъб и т. д. Утрачено индоевропейское название медведя. Оно сохраняется лишь в новом научном термине "Арктика" (ср. греч. *arktos*). Индоевропейское слово в праславянском языке было заменено табуистическим словосложением *medvedъ* 'едок меда'. В период балто-славянской общности славяне заимствовали много слов у балтов. В этот период в праславянском языке были утрачены гласные сонанты, на их месте возникли дифтонгические сочетания в положении перед согласными и последовательности "гласный сонант перед гласными" (*сьmьrti, но umirati*), интонации (акут и циркумфлекс) стали релевантными признаками.

Важнейшими процессами праславянского периода были утрата закрытых слогов и смягчение согласных перед йотом. В связи с первым процессом все древние дифтонгические сочетания перешли в монофтонги, возникли слоговые плавные, носовые гласные, произошло перемещение слогораздела, вызвавшее, в свою очередь, упрощение групп согласных, явления межслоговой диссимиляции. Эти древнейшие процессы наложили отпечаток на все современные славянские языки, что отражено во многих чередованиях: ср. рус. "жать - жну"; "взять - возьму", "имя - имена", чеш. *ziti - znu, vziti - veznu*; сербохорв. *жети - жмем, узети - узмем, име - имена*. Смягчение согласных перед йотом отражено в виде чередований *s - sh, z - zh* и др. Все эти процессы оказали сильное воздействие на грамматический строй, на систему флексий. В связи со смягчением согласных перед йотом был пережит процесс т. наз. первой палатализации заднебных: *k*

> ch, g > zh, x > sh. На этой основе еще в праславянском языке сформировались чередования k : ch, g : zh, x : sh, которые оказали большое влияние на именное и глагольное словообразование. Позже начала действовать т. наз. вторая и третья палатализация заднебных, в результате которых возникли чередования k : c, g : dz (z), x : s (sh).

Имя изменялось по падежам и числам. Кроме единственного и множественного числа существовало двойственное число, которое позже утратилось почти во всех славянских языках. Существовали именные основы, выполняющие функции определений. В поздний праславянский период возникли местоименные прилагательные. Глагол имел основы инфинитива и настоящего времени. От первых образовывались инфинитив, супин, аорист, имперфект, причастия на -l, причастия действительного залога прошедшего времени на -въ и причастия страдательного залога на -n. От основ настоящего времени образовывались настоящее время, повелительное наклонение, причастие действительного залога настоящего времени. Позже в некоторых славянских языках от этой основы начал образовываться имперфект.

Еще в недрах праславянского языка начали формироваться диалектные образования. Наиболее компактной была та группа праславянских диалектов, на основе которой позже возникли восточнославянские языки. В западнославянской группе были 3 подгруппы: лехитская, сербоболужицкая и чешско-словацкая. Наиболее дифференцированной в диалектном отношении была южнославянская группа.

Праславянский язык функционировал в догосударственный период истории славян, когда господствовали родоплеменные общественные отношения. Существенные изменения произошли в период раннего феодализма. Это отразилось на дальнейшей дифференциации С. я. К 12-13 вв. произошла утрата свойственных праславянскому языку сверхкратких (редуцированных) гласных ъ и ь. В одних случаях они исчезли, в других перешли в гласные полного образования. В результате произошли существенные изменения в фонетическом и морфологическом строе славянских языков. Много общих процессов пережили славянские языки и в области грамматики и лексического состава.

Впервые литературную обработку славянские языки получили в 60-х гг. 9 в. Создателями славянской письменности были братья Кирилл (Константин-Философ) и Мефодий. Они перевели для нужд Великой Моравии с греческого языка на славянский литургические тексты. В своей основе новый литературный язык имел южно-македонский (солунский) диалект, но в Великой Моравии усвоил много местных языковых особенностей. Позже он получил дальнейшее развитие в Болгарии. На этом языке (обычно называемом старославянским языком) была создана богатейшая оригинальная и переводная литература в Моравии, Паннонии, Болгарии, на Руси, в Сербии.

Существовало два славянских алфавита: глаголица и кириллица. От 9 в. слав. текстов не сохранилось. Самые древние относятся к 10 в.: Добруджанская надпись 943, надпись царя Самуила 993 и др. От 11 в. сохранилось уже много славянских памятников.

Славянские литературные языки эпохи феодализма, как правило, не имели строгих норм. Некоторые важные функции выполняли чужие языки (на Руси - старославянский язык, в Чехии и Польше - латинский язык). Унификация литературных языков, выработка письменных и произносительных норм, расширение сферы употребления родного языка - все это характеризует длительный период формирования национальных славянских языков.

Русский литературный язык пережил многовековую и сложную эволюцию. Он вобрал в себя народные элементы и элементы старославянского языка, испытал влияние многих европейских языков. Он развивался без перерывов в течение длительного времени. Иначе шел процесс формирования и истории ряда других литературных С. я. В Чехии в 18 в. литературный язык, достигший в 14-16 вв. большого совершенства, почти исчез. В городах господствовал немецкий язык. В период национального возрождения чешские "будители" искусственно возродили язык 16 в., который в это время уже был

далек от народного языка. Вся история чешского литературного языка 19-20 вв. отражает взаимодействие старого книжного языка и разговорного. Иначе шло развитие словацкого литературного языка. Не отягощенный старыми книжными традициями, он близок народному языку. В Сербии до 19 в. господствовал церковно-славянский язык русского варианта. В 18 в. начался процесс сближения этого языка с народным. В результате реформы, проведенной В. Караджичем в сер. 19 в., был создан новый литературный язык. Этот новый язык стал служить не только сербам, но и хорватам, в связи с чем стал называться сербохорватским или хорваткосербским. Македонский литературный язык окончательно сформировался в сер. 20 в. Славянские литературные языки развивались и развиваются в тесном общении друг с другом.

С. Б. Бернштейн
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

(Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С. 460-461)

Вопросы по теме:

1. Назовите подгруппы славянской группы языков и перечислите языки, которые в них входят.
2. Перечислите мертвые славянские языки и дайте им характеристику
3. Расскажите о судьбе западнославянских литературных языков
4. Проанализируйте историю и судьбу современных южно-славянских литературных языков.
5. сопоставьте историю развития русского, украинского и белорусского языков.

Тема 2. Проблема славянской прародины.

Существует множество научных гипотез об истоках славянства. Однако разные ученые не сходятся не только в определении места славянской прародины, но и во времени выделения славян из индоевропейской группы. Существует целый ряд гипотез, согласно которым о славянах и их прародине с уверенностью можно говорить, начиная с конца III тысячелетия до н.э. (**О.Н. Трубачев**), с конца II тысячелетия до н.э. (польские ученые **Т. Лер-Сплавинский, К. Яжджевский, Ю. Костшевский** и др.), с середины II тысячелетия до н.э. (польский ученый **Ф. Славский**), с IV в. до н.э. (**М. Фасмер, Л. Нидерле, С.Б. Бернштейн, П.И. Шафарик**).

Наиболее ранние научные гипотезы о прародине славян можно обнаружить в трудах русских историков XVIII – XIX вв. **Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского**. В своих изысканиях они опираются на «*Повесть временных лет*» и делают вывод о том, что прародиной славян были *р. Дунай и Балканы*. Странниками **дунайского происхождения славян** были многие русские и западноевропейские исследователи. Более того, в конце XX в. российский ученый **О.Н. Трубачев** уточнил и развил ее. Однако на протяжении XIX – XX вв. у этой теории было и немало противников.

Один из крупных историков-славистов XIX века, чешский ученый **П.И. Шафарик**, считал, что прародину славян следует искать в Европе, по соседству с родственными им племенами кельтов, германцев, балтов и фракийцев. Он считает, что славяне уже в глубокой древности занимали обширные пространства Средней и Восточной Европы, а в IV в. до н.э. под натиском кельтов переселились за Карпаты. Однако и в это время они занимают весьма обширные территории - на западе - от устья Вислы к Неману, на севере – от Новгорода до истоков Волги и Днепра, на востоке – до Дона. Далее она, по его мнению, шла через нижний Днепр и Днестр вдоль Карпат до Вислы и по водоразделу Одера и Вислы к Балтийскому морю. Эта теория вошла в историю науки под именем **Карпатской**.

В конце XIX – начале XX вв. акад. **А.А.Шахматов** развил *идею двух славянских прародин*: района, в пределах которого сложился праславянский язык (первая прародина), и района, который праславянские племена занимали накануне расселения по Центральной и Восточной Европе (вторая прародина). Он исходит из того, что изначально из индоевропейской группы выделилась балто-славянская общность, являвшаяся автохтонной на территории Прибалтики. После распада этой общности славяне заняли территорию между нижним течением Немана и Западной Двины (первая прародина). Именно здесь сложился, по его мнению, праславянский язык, который в дальнейшем лег в основу всех славянских языков. В связи с великим переселением народов германцы в конце II в.н.э. продвигаются на юг и освобождают бассейн р. Вислы, куда и приходят славяне (вторая прародина). Здесь славяне разделяются на две ветви: западную и восточную. Западная ветвь продвигается в район р. Эльбы и становится основой для современных западнославянских народов; южная ветвь после распада империи гуннов (вторая половина V в.н.э.) разделилась на две группы: одна из них заселила Балканы и Дунай (основа современных южнославянских народов), другая – Днепр и Днестр (основа современных восточнославянских народов).

Наиболее популярной среди лингвистов гипотезой о прародине славян является **висло-днепровская**. По мнению таких ученых, как **М.Фасмер** (Германия), **Ф.П.Филин, С.Б.Бернштейн** (Россия), **В.Георгиев** (Болгария), **Л.Нидерле** (Чехия), **К. Мошинский** (Польша) и др., прародина славян располагалась между средним течением Днепра на востоке и верховьями Западного Буга и Вислы на западе, а также от верховий Днестра и Южного Буга на юге до Припяти на севере. Таким образом, прародина славян определяется ими как современная северо-западная Украина, южная Белоруссия и юго-восточная Польша. Однако в исследованиях отдельных ученых встречаются те или иные вариации.

Л. Нидерле считал, что место славянской прародины может быть определено только предположительно. Он высказывал предположение о принадлежности к славянам таких упоминавшихся Геродотом племен, как невры, будины, скифы-пахари. На основании сообщений историков римского времени и данных языкознания, в частности топонимики, Л. Нидерле очень осторожно очерчивает область славянского расселения в начале I тыс. н.э. Она, по его мнению, находилась к северу и северо-востоку от Карпат, на востоке достигала Днестра, а на западе - верховьев реки Варты. При этом он отмечает, что западные границы славянского ареала, возможно, придется передвинуть к реке Эльбе, если будет доказана славянская принадлежность могильников - полей погребений лужицко-силезского типа.

Ф.П. Филин определяет область расселения славян в начале н.э. между Западным Бугом и Средним Днестром. Он, опираясь на лингвистические и экстралингвистические данные, предлагает периодизацию развития языка праславян. Первый этап (до конца I тыс. до н.э.) - начальная стадия формирования основы славянской языковой системы. На втором этапе (от конца I тыс. н.э. до III-IV вв. н.э.) - в праславянском языке происходят серьезные изменения в фонетике, эволюционирует его грамматический строй, развивается диалектная дифференциация. Третий этап (V-VII вв. н.э.) совпадает с началом широкого расселения славян, что в конечном счете привело к делению единого языка на отдельные славянские языки. Эта периодизация во многом соответствует основным этапам исторического развития ранних славян, восстанавливаемого на основе данных археологии.

Дальнейшее расселение славян из висло-днепровского района происходило, по мнению **С.Б.Бернштейна**, на запад до Одера, на север до озера Ильмень, на восток до Оки, на юг к Дунаю и Балканам. С.Б.Бернштейн поддерживает гипотезу А.А.Шахматова о первоначальном разделении славян на две группы: *западную* и *восточную*; из последней в свое время выделились *восточная* и *южная* группы. Именно этим объясняется большая близость восточнославянских и южнославянских языков и некая обособленность, в частности фонетическая, западнославянских.

К проблеме этногенеза славян неоднократно обращался **Б.А. Рыбаков**. Его концепция также связана с висло-днепровской гипотезой и основана на единстве территорий обитания славянского этноса на протяжении двух тысячелетий: от Одера на западе до левобережья Днестра на востоке. Историю славян Б.А. Рыбаков начинает с эпохи бронзы - с XV в. до н.э. - и выделяет пять ее этапов.

Первый этап он связывает с тшинецкой культурой (XV-XIII вв. до н.э.). Область ее распространения, по его мнению, была "первичным местом объединения и формирования впервые отпочковавшихся праславян ... эта область может быть обозначена несколько туманным словом прародина». Тшинецкая культура простиралась от Одера до левобережья Днестра. **Второй этап** - лужицко-скифский - охватывает XII-III вв. до н.э. Славяне в это время представлены несколькими культурами: *лужицкой*, *белогрудовской*, *чернолесской* и *скифскими лесостепными*. Племена лесостепных скифских культур, занимавшиеся земледелием, были славянами, объединенными в союз под именем скелотов. Падение лужицкой и скифских культур привело к восстановлению славянского единства - наступил **третий этап** истории праславян, продолжавшийся со II в. до н.э. по II в. н.э., и представленный двумя близкими между собой культурами: пшеворской и зарубинецкой. Их территории простирались от Одера до левобережья Днестра. **Четвертый этап** он датирует II-IV вв. н.э. и называет его пшеворско-черняховским. Этот этап характеризуется усилением влияния Римской империи на славянские племена. **Пятый этап** - пражско-корчакский, датируется VI-VII вв., когда после падения Римской империи славянское единство было восстановлено. Совпадение ареалов всех перечисленных культур, в том числе и достоверно славянской - пражско-корчакской, - является, по мнению Б.А. Рыбакова, доказательством славянской принадлежности всех этих культур.

В последние десятилетия экспедиционные исследования украинских археологов значительно расширили научную базу. По мнению этих ученых, история славян начинается с позднелатенского периода. По мнению **В.Д. Барана**, сложение раннесредневековых славянских культур было результатом интеграции нескольких культур римского времени: пражско-корчакская культура сложилась на основе черняховской культуры Верхнего Поднестровья и Западного Побужья при участии элементов пшеворской и киевской культур; пеньковская культура сложилась в условиях слияния элементов киевской и черняховской культур с кочевническими культурами; колочинская культура возникла при взаимодействии позднезарубинецких и киевских элементов с балтийскими. Ведущая роль в становлении славянства, по мнению **В.Д. Барана**, принадлежала киевской культуре. Концепция славянского этногенеза изложена **В.Д. Бараном, Р.В.Терпиловским и Д.Н. Козаком** [8]. Ранняя история славян, по их мнению, начинается с первых веков нашей эры, когда сведения о славянах, называемых тогда венетами, появляются в трудах античных авторов. Венеты обитали к востоку от Вислы, им принадлежали зарубинецкая и пшеворская культуры Волинского региона. В дальнейшем со славянами связаны зарубинецкая и позднезарубинецкая культуры, а через них - киевская и частично черняховская, на основе которых формировались раннесредневековые славянские культуры.

В последние десятилетия проблемам этногенеза славян посвящен ряд работ **В.В. Седова**. Древнейшей славянской культурой он считает культуру подклешевых погребений (400-100 гг. до н.э.), поскольку именно начиная с этой культуры прослеживаются элементы преемственности в эволюционном развитии древностей вплоть до достоверно славянской эпохи раннего средневековья.

Культура подклешевых погребений соответствует первому этапу истории праславянского языка по периодизации **Ф.П. Филина**. В конце II в. до н.э. под сильным кельтским влиянием культура подклешевых погребений трансформируется в новую, получившую название пшеворской. В составе пшеворской культуры выделяются два региона: западный - Одерский, заселенный, главным образом, восточногерманским населением, и восточный - Висленский, где преобладающим этносом были славяне. Хронологически пшеворская культура соответствует, согласно периодизации **Ф.П. Филина**, среднему этапу развития праславянского языка. Зарубинецкую культуру, сформировавшуюся при участии пришлых подклешево-поморских племен и местных милоградских и позднескифских, он считает особой в языковом отношении группой, занимавшей промежуточное положение между праславянским и западнобалтским языками. С пшеворской культурой связана своим происхождением славянская пражско-корчакская культура. По мнению **В.В. Седова**, славяне составляли один из компонентов полиэтничной черняховской культуры.

О.Н.Трубачев в своих работах отвергает и висло-днепровскую гипотезу, и ее висло-одерский вариант. Как альтернативу он выдвигает так называемую *«неодунайскую»* гипотезу прародины славян. Местом первичного их расселения он считает Среднее Подунавье – территорию стран бывшей Югославии (Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии и Черногории), юг Чехословакии и земли бывшей Паннонии (на территории современной Венгрии). На какое-то время около I в.н.э. славяне были вытеснены кельтами и уграми на север, в Повисленье, и на восток, в Поднепровье. Связано это было с великим переселением народов. Однако уже в середине I тыс.н.э. славяне, «храня память о своих прежних местах обитания», «снова занимают Подунавье, земли за Дунаем, Балканы». Таким образом, «движение славян на юг было возвратным». Свою гипотезу **О.Н.Трубачев** аргументирует лингвистическими и экстралингвистическими фактами. Он считает, что, во-первых, продвижение славян сначала на север, а затем на юг вписывается в общий процесс переселения народов в пределах Европы. Во-вторых, подтверждается записями летописца **Нестора**: «По мнозэхы же времянэхы». В-третьих, именно у южных славян, которые жили по р. Дунаю, раньше

всех появилось самоназвание *slověne – словэне, которое постепенно утверждается в трудах византийских историков VI в., готского историка VI в. Иордана (склавины). В то же время западных и восточных славян они именуют венетами и антами, то есть чуждыми славянам названиями. Сам этноним славяне О.Н.Трубачев соотносит с лексемой слово и толкует его как «ясно говорящие», то есть говорящие на понятном, не чуждом языке. В четвертых, в фольклорных произведениях восточных славян очень часто упоминается р. Дунай, что О.Н.Трубачев считает сохранившейся живой памятью о Подунавье. В-пятых, он считает, что Угры, придя на территорию Подунавья и основав в I в.н.э. свое государство, застали там славянское население и славянские топонимы: *bъrъzь, *sopot, *rěčina, *bystica, *foplica, *kaliga, *belgrad, *konotopa и др.

Таким образом, О.Н.Трубачев считает, что «южный висло-одерский ареал... приблизительно совпадает с северной периферией среднедунайского ареала», а район первичного расселения славян совпадает с районом первичного расселения носителей общеиндоевропейского языка. Вопрос о прародине славян продолжает оставаться открытым. Ученые выдвигают все новые и новые доказательства в пользу той или иной гипотезы. В частности Г.А.Хабургаев полагает, что праславянские племена возникли в результате скрещивания западнобалтийских племен с италиками, фракийцами (в районе современной северной Польши) и иранскими племенами (на р. Десне).

Вопросы по теме:

1. Перечислите основные гипотезы локализации славянской прародины.
2. Укажите на современной карте локализацию прародины славян согласно основным гипотезам.
3. В чем суть гипотезы о «двух славянских прародинах»?
4. Укажите, какие методы используют при разработке и доказательстве теорий о славянской прародине.

Тема 3. Первые славянские государства.

Процесс возникновения первых государств у славян отличался общими чертами: славяне пришли к феодализму в результате разложения родовой, а затем сельской общины, минуя рабовладельческую стадию развития общества. Возникновение и развитие феодальных государств было осложнено у южных славян борьбой со стремившейся к их подчинению Византией, а у западных славян — борьбой с феодальной немецкой агрессией. Между собой славянские народы в этот период сохраняли тесные политические, торговые и культурные связи.

Государственные объединения южных славян.

В результате длительной и напряжённой борьбы с Восточной Римской империей славяне к середине VII в. заселили значительную часть Балканского полуострова и ряд прилегавших к нему на северо-западе областей. За исключением приморской части Фракии, древней Аттики, некоторых районов близ крупных византийских городов и юга Пелопоннеса, где продолжало жить греческое население, славяне заняли весь Балканский полуостров. На западе южнославянские племена проникли в долины Альпийских гор, а севернее — в районе современной Австрии — стали соседями западных славян. При этом в Эпире сохранились потомки эпиро-иллирийских племён, а по склонам Балканского хребта и южных его отрогов — дако-фракийские племена. Южными славянами были заселены и обширные области к северу от нижнего течения Дуная, граничившие с землями восточных славян.

Почти повсюду на новых местах в качестве основной отрасли хозяйства у славян сохранилось земледелие. Постепенно всё большее значение получало садоводство и виноградарство, а на юге разведение оливковых рощ. Крупную роль продолжало играть скотоводство, особенно в гористых и лесных районах, например в Боснии, Старой Сербии и на севере Македонии. Значительное распространение получило пчеловодство. Славяне уже умели изготавливать металлическое оружие, хозяйственные орудия и украшения. Хорошо они знали и другие ремёсла — кожевенное, гончарное и т. д. Хозяйство у южных славян велось уже не всей родовой общиной, а либо большими патриархальными семьями — задругами, либо индивидуальными семьями. Несколько живших в одной веси — деревне или же по соседству «больших» и «малых» семей составляли сельскую, или соседскую, общину. Начавшийся уже ранее у славян процесс классового деления после заселения ими Балканского полуострова близился к своему завершению.

У многих славянских племён, поселившихся на Балканах, возникновение первых государственных объединений относилось к концу VI—началу VII в., хотя это и происходило ещё под покровом старых родо-племенных форм общественной жизни. Сохраняя свои старые наименования жупанов, племенные вожди начинали превращаться в князей, т. е. в представителей землевладельческой знати, стремившейся закрепить своё господствующее положение. Возникавшие таким образом княжества охватывали территорию одного племени или же территорию нескольких союзных племён.

В Западной Македонии в VII в. образовалось уже вполне независимое славянское княжество, известное под названием Склавинии. Это княжество занимало значительную территорию вплоть до города Фессалоники и управлялось самостоятельными славянскими князьями. Оно сохранило свою независимость от Византии до IX в.

Большое значение в процессе возникновения первых южнославянских государств имело образование крупного политического объединения славян, называемого в источниках того времени «Союзом семи славянских племён». В отличие от ранее существовавших славянских союзов «Союз семи славянских племён» представлял собой, по-видимому, уже более прочное политическое объединение, владевшее значительной территорией, включавшей всю Нижнюю Мёзию.

Образование первых южнославянских государств происходило в условиях постоянной и крайне тяжёлой для них борьбы с Византией, всеми силами препятствовавшей их созданию.

Образование Болгарского государства

Из всех южнославянских раннефеодальных государств наибольшего экономического и политического расцвета в средние века достигло Болгарское. Основой Первого Болгарского царства явился «Союз семи славянских племён» Нижней Мёзии. Неизвестно, когда и как возник этот союз, но несомненно, что к 70-м годам VII в. «Союз семи славянских племён» прошёл уже достаточно длительный путь развития.

В истории образования Болгарского государства определённую роль сыграло тюркское племя болгар. Теснимые кочевниками-аварами, орды кочевого тюркского племени болгар, или (как их называют в отличие от славян, принявших это имя) протоболгар, подошли в 70-х годах VII в. к землям дунайских славян и заняли малонаселённую тогда северную часть Малой Скифии (современной Добруджи), которая номинально принадлежала ещё Византии. Но как раз в это время внутренние междоусобицы в Арабском халифате дали империи кратковременную передышку в её изнурительных войнах на Востоке. Византийское правительство получило реальную возможность перебросить часть войск на север Балканского полуострова. Перед лицом этой опасности, одинаково угрожавшей славянам и протоболгарам, и произошло, по-видимому, сближение славянской и болгарской знати.

В обстановке почти непрерывных войн это сближение очень быстро завершилось полным включением болгар в государство придунайских славян. Уже в 681 г. протоболгары и славяне одержали крупную победу над византийцами, закреплённую в том же году крайне невыгодным для Византийской империи договором. Более высокий уровень общественного развития славян обеспечил полную ассимиляцию ими пришельцев. Славяне восприняли лишь племенное имя болгар. Это произошло потому, что в VII и VIII вв. славянское государство начали называть Болгарией по этнической принадлежности её тогдашних военачальников — ханов (князей) из династии Аспаруха, которые захватили власть в стране. С этих же пор все жители Болгарии стали именоваться болгарями.

Развитие феодальных отношений в Болгарии в VII — X вв.

Возникновение государства содействовало укреплению экономических и политических позиций болгарской феодальной знати, крупных землевладельцев — боляр. На интенсивность развития феодальных отношений у южных славян известное влияние оказало и то обстоятельство, что элементы феодального способа производства начали зарождаться на Балканском полуострове ещё до прихода славян.

Одним из показателей хозяйственного подъёма Болгарии являлось значительное строительство, происходившее тогда во многих болгарских городах — в Охриде, Малой Преславе, Средце (София), Скопле, Варне и особенно в тогдашней столице Первого Болгарского царства — Великой Преславе. Эти города были уже не только военно-административными центрами, но постепенно становились и средоточием ремесла и торговли.

Центральная власть в Болгарском раннефеодальном государстве постепенно усиливалась. В конце VIII — начале IX в. при князе существовал постоянный совет из крупнейших представителей знати, так называемых великих боляр. В середине IX в. в интересах феодального класса государственной религией было объявлено христианство (около 865 г.), принятое в Болгарии из Византии по православному обряду. Под влиянием успехов феодализации складывалась новая система правовых норм, которую господствующий класс стремился сделать общеобязательной вместо действовавшего прежде обычного права. Укреплению феодального строя и прежде всего феодальной собственности служили новые законы, принятые при хане Круме (802—814), и особенно сборник законов, известный под названием «Закон судный людем» (конец IX в.). Крум

приказывал ломать ноги всем крестьянам, покушавшимся на чужую собственность, а «Закон судный людем» предписывал подобных «преступников» предавать мечу. Жестокими карами грозило законодательство и всем тем, кто пытался бежать от гнёта землевладельцев и государственных повинностей.

Внешнеполитическое положение Болгарии в VII — начале X в.

В трудной для молодого Болгарского государства борьбе с Византийской империей в конце VII — начале VIII в. оно устояло благодаря тому, что в обороне страны наряду с дружинами князей и бояр самое активное участие принимало ещё ополчение крестьян-общинников.

Ещё более возросло международное значение Болгарии во второй половине IX и в начале X в. в результате успехов экономического развития и политического усиления Болгарского государства. При князе Борисе (852—889) Болгария расширила свои владения к северу от Дуная и, завоевав ряд сербских земель, достигла побережья Адриатического моря. Под властью одного из ближайших преемников Бориса — Симеона (893—927) оказалась не только вся территория современной Болгарии, но и почти вся Сербия, Македония, часть Фракии и значительные области по Дунаю. Симеон, принявший титул царя, несколько раз приближался к стенам Константинополя.

Богомильское движение

Тяжесть эксплуатации крестьян вызвала в X в. в Болгарии антифеодальное народное движение. Это движение, распространившееся и в некоторых других южнославянских странах, а также в Византии, было облечено в форму богомильской ереси (Название ереси происходило, по-видимому, от имени руководителя движения — священника Богомила, жившего в X в.). В соответствии с народными представлениями о происхождении зла и насилия богомилы учили, что в мире постоянно происходит борьба двух начал: доброго (бога) и злого (сатаны), что гнёт и насилие — порождения зла — не вечны и могут быть и конце концов уничтожены. Для этого, утверждали они, необходимо восстановить равенство, якобы существовавшее в отношениях между членами ранней христианской церкви, и признать это равенство в качестве нормы для гражданской жизни.

Богомилы были решительными противниками господствующей церкви, владевшей огромными богатствами и беспощадно эксплуатировавшей народные массы. Но они не ограничивались антицерковными выступлениями и боролись против всякого угнетения. Как свидетельствовал один современник, богомилы учили своих приверженцев «не повиноваться властям, хулить богатых, ненавидеть царя, бранить старшин, корить бояр». Богомилы объединились в общины во главе с выборными старостами. Между богомильскими общинами существовали тесные связи.

О размахе и силе богомильского движения наглядно свидетельствовала та злоба, с какою церковь и государство преследовали богомилов. Их сжигали на кострах, топили, бросали в тюрьмы. Тем не менее богомильское движение не было уничтожено и сыграло в дальнейшем крупную роль во время борьбы болгарского народа против византийского ига.

Гибель Первого Болгарского царства

Укрепление экономической мощи феодалов и слабость государственных органов на местах способствовали росту политической самостоятельности крупных бояр. Уже при царе Петре (927—969) от Болгарского царства отпала область по верхнему течению реки Струмы, а несколько позже — и вся Македония.

Ослабленная длительными войнами и по существу уже распавшаяся на ряд самостоятельных феодальных владений, Болгария всё же не стала легкой добычей Византии. С момента захвата (в 972 г.) византийским императором Иоанном I Цимисхием восточноболгарских областей и вплоть до окончательного покорения византийцами всей территории страны (в 1018 г.) прошло почти пятьдесят лет. Боролось так называемое Западно-Болгарское царство во главе с боярином Самуилом, провозглашённым болгарским царём. Не раз восставали и области, уже захваченные византийцами.

Всячески заигрывая с болгарской знатью, византийцы были беспощадны по отношению к народным массам Болгарии. По приказу императора Василия II Болгаробойцы были уничтожены десятки и сотни болгарских селений. Во многих болгарских городах, по свидетельству современников, «гулял только ветер». Тысячи пленных болгар были ослеплены.

В 1018 г. византийские войска овладели Охридом, являвшимся в то время столицей Болгарии. Первое Болгарское царство перестало существовать. Превосходство сил, которыми ещё располагала Византийская империя, и прямая измена со стороны весьма влиятельных групп болгарской знати решили борьбу не в пользу болгар.

Образование раннефеодальных государств в Сербии

Предками современных сербов были славянские племена, которые поселились к югу от нижнего и среднего течения реки Савы. Вся эта часть Балканского полуострова изрезана горными хребтами, которые в ту пору были покрыты дремучим лесом. Земледельческим племенам, какими уже издавна были славяне, приходилось с огромным трудом расчищать пригодные для посевов участки. Малая семья не могла справиться с этим. Поэтому в Сербии в гораздо большей степени, чем в других занятых славянами балканских землях, сохранились большие патриархальные семьи — задруги.

Этим, а также весьма сложной политической обстановкой объяснялось несколько более позднее, чем в Болгарии, развитие феодальных отношений в Сербии. Оно приняло здесь широкие масштабы только в IX—X вв. Поэтому рост политической власти сербской знати в VII, VIII и даже в первой половине IX в. проходил ещё в сравнительно узких пределах отдельных, естественно отграниченных областей — Рашки, Дукли, Захлумья, Зеты и некоторых других. Образование более широких политических объединений тормозилось, кроме того, и борьбой за эти земли между Византией, Аварским каганатом, державой франков и Болгарией, искусственно разжигавшими соперничество среди различных групп сербской знати.

Но уже с конца IX в. могущество знати в Сербии стало быстро возрастать и князья — жупаны стали всё чаще и настойчивее предпринимать попытки к расширению своих владений. Первые успехи были достигнуты князем Петром Гойниковичем (892—917). В середине X в. жупан Рашки Чеслав Клонимирович распространил свою власть на Босну, Дуклю, Травунье, Захлумье, Неретву и принял титул «великого жупана».

Хотя ни одно из этих первых раннефеодальных сербских государств не оказалось долговечным, так как они погибли вследствие острой внутренней борьбы между различными группами феодальной знати или пали жертвой завоевания (в начале XI в. Сербия вслед за Болгарией была захвачена Византией), их существование не прошло бесследно в истории сербского народа. Борьба, которая предшествовала их созданию, и ещё больше — борьба за их сохранение с различными внешними врагами способствовала укреплению этнической общности населения этих районов. Именно с этого времени племенное наименование сербов становится общим для всего населения страны.

Хорваты и словены в VII—X вв.

С иными трудностями столкнулись предки хорватов и словен, т. е. те славянские племена, которые обосновались в конце VI — начале VII в. на территории древних Паннонии, Далмации и Норика. Оказавшись на крайнем западе южнославянского мира, эти племена были вынуждены непрерывно бороться за независимость с многочисленными внешними врагами: с аварами, с баварскими герцогами и лангобардскими королями, а с середины VII в. — с франками. Притязала на эти земли и Византия. В этих трудных условиях государственное развитие у хорватов и словен сравнительно долго шло преимущественно в пределах княжеств, являвшихся объединениями племён.

С конца VIII в. положение ещё более ухудшилось, так как все хорутанские (словенские) и хорватские княжества, объединявшие отдельные племена, были завоёваны

войсками Карла Великого. Однако славяне не прекратили своей борьбы за независимость. Начиная с 799 г., восстания против франкского владычества следовали почти ежегодно. Особенно крупным было восстание 819—822 гг. под руководством князя посавской Хорватии Людевита.

Господство франкских, а после распада империи Карла Великого — германских феодалов над словенами продолжалось ещё много веков и стоило словенскому народу неисчислимым жертв. Германские феодалы захватили более половины словенских земель и совершенно вытеснили оттуда славянское население. В борьбе с германскими феодалами завершилось объединение хорватских племён и было создано Хорватское государство. Уже в середине IX в. значительная часть Хорватии освободилась от власти германских феодалов и была объединена под властью князя Тпримира (845—864). В конце IX и в начале X в. процесс создания Хорватского государства был завершён. В 925 г. хорватский князь Томислав был провозглашён королём Хорватии. Освобождение от иноземного гнёта и создание своего самостоятельного государства облегчили и ускорили общественное развитие Хорватии.

В том же 925 г. хорватские феодалы признали западнохристианскую церковь в качестве государственной. Это затруднило развитие самобытной хорватской культуры, так как папство жестоко преследовало распространение славянской письменности. Под знаменем борьбы за богослужение на славянском языке хорватский народ не раз выступал против западнохристианской церкви. Но хорватские феодалы, заинтересованные в поддержке такого сильного союзника, как папство, подавляли эти восстания.

Западнославянские государственные объединения

Расселение западославянских племён

Западные славяне заселяли обширную территорию бассейнов рек Лабы (Эльбы), Одры (Одера) и Вислы и делились на многочисленные племена. Земли между реками Салой и Лабой заселяли западные славяне, входившие в сербо-лужицкий племенной союз. Земли по Средней и Нижней Лабке были заняты племенными союзами полабских племён — лютичей и ободричей. Восточнее их, по берегу Балтийского моря, располагались племена поморян, входившие в польскую группу западославянских племён, занимавшую территорию в бассейнах рек Одры и Вислы. Ободричей, лютичей и поморян нередко называют одним общим именем — «балтийскими славянами». На Верхней Лабке и по рекам Влтаве и Мораве жили чешско-моравские племена, а далее на восток, по южным склонам Карпат, — словацкие племена.

Общественный строй полабских славян

Полабские славяне в VI—VIII вв. занимались хлебопашеством, обрабатывая землю сохой с железным лемехом при помощи пары быков или лошади. С VIII в. у них появилось трёхполье, было развито огородничество и разведение технических культур (конопли, льна и мака). Обилие лугов открывало широкие возможности для развития животноводства. Кроме того, полабские славяне занимались охотой и рыболовством. В VI—VIII вв. полабские славяне переживали процесс разложения первобытно-общинных отношений, который привёл к усилению родовой знати, к возникновению племенных союзов и государства.

В IX—XI вв. хозяйственное развитие полабских славян шагнуло далеко вперёд. Все хронисты XI и XII вв. единодушно отмечают высокий уровень их земледелия и богатство их земель. Уже в X в. из укреплённых пунктов, вокруг которых первоначально располагались многие славянские деревни, выросли города, представлявшие собой военно-административные центры отдельных племён или их союзов: Бранибор (центр племени гаволян), Ретра (главный пункт четырёх лютических племён), Микелин (Мекленбург) в земле ободричей. Эти города в X—XI вв. вели оживлённую торговлю с Саксонией, Данией, Швецией и Русью, вывозя хлеб, соль и рыбу. Постепенно в

славянских городах развилось и ремесленное производство (ткацкое, гончарное, ювелирное и строительное). Постройки в славянских городах отличались красотой, поражавшей современников. В городе Ретре (или Радигоще) было девять ворот и различные храмовые сооружения. Стены храма в Ретре украшала чудесная резьба по дереву.

Политический строй полабских славян соответствовал уровню их социально-экономических отношений. Союзы племён постепенно превращались в политические объединения во главе с князьями, а в середине XI в. образовалось Ободритское государство, которое просуществовало до середины XII в. и явилось центром борьбы полабских славян против агрессии немецких феодалов.

Чехо-моравы и словаки в VI—X вв.

Хозяйственный строй и складывание феодальных отношений у чехо-моравских племён

Территория Чехии ограничена на западе и юго-западе горной цепью, называющейся Чешский Лес, на северо-западе Рудными горами. Таким образом, жившие на этой территории западнославянские племена были отделены горами и лесами от племён древнегерманских. Наоборот, от славянских племён, живших восточнее, особенно от племён Моравии, их отделяла лишь небольшая возвышенность. Это содействовало последовавшему в ходе исторического развития сближению племён Чехии (чехи, зличане, дулебы, седличане, хебане, пшоване, хорваты и др.) и племён более развитой в социально-экономическом отношении Моравии (голосийцы и др.). С юго-востока к Моравии примыкала территория между Дунаем и Карпатами (Дунайская котловина), населённая славянскими племенами, явившимися предками современных словаков.

Предки чехов были оседлыми земледельцами ещё до нашей эры. Среди чехо-моравских и словацких племён занятие скотоводством преобладало только в гористых местностях, где были прекрасные пастбища. Археологические находки, относящиеся к VI в., свидетельствуют о том, что в Чехии и Моравии сеялись все виды хлебных злаков, особенно просо, ячмень и пшеница, и о том, что там разводились разные виды домашнего скота — лошади, коровы, овцы, козы, свиньи и др. Большое значение для земледелия имело развитие ремесла, в том числе изготовление сельскохозяйственных орудий. При раскопках древнеморавских могил VI—VII вв. археологи находили в них сохи, серпы, мотыги и пр.

В дальнейшем изготовление железных сельскохозяйственных орудий было значительно усовершенствовано. Добыча железной руды резко выросла, а её обработка улучшилась, как об этом свидетельствуют печи для плавки железной руды, найденные при раскопках в Моравии. Воины Чехо-Моравии, особо искусные в осаде городов, пользовались пиками, щитами, стрелами, секирами и мечами, в том числе и обоюдоострыми, сделанными в их собственной стране. Значительные успехи были достигнуты в гончарном деле. Глиняные сосуды в IV—V вв. изготовлялись вручную. Эти сосуды были массивны и, как правило, лишены украшений. Находки же, относящиеся к VI—X вв., свидетельствуют о переходе ко всё более совершенным способам обработки и обжига глины, к применению гончарного круга и к изготовлению уже искусно украшенных сосудов. Найденные в женских могилах Моравии пряслица указывают на существование текстильного ремесла, а украшения из золота, серебра, бронзы и дутого стекла свидетельствуют о наличии торговых связей Чехо-Моравии с соседними странами, в частности с Византией.

С успехами ремесла и торговли было связано раннее возникновение чешских городов. Первоначально они представляли собой укреплённые пункты—грады, местопребывание племенных князей. Но к X в. отдельные города, находившиеся в особо благоприятных условиях, становились уже центрами ремесла и торговли. Арабский путешественник Ибрахим ибн Якуб, посетивший Прагу около середины X в., писал об

этом городе, что он «выстроен из камня и извести и есть богатейший из городов торговлею. Приходят к нему из города Кракова русы и славяне с товарами и приходят к ним (жителям Праги) из стран тюрок мусульмане, евреи и тюрки также с товарами и с миткалями византийскими и вывозят от них муку, олово и разные меха. Страна их лучшая из стран севера и богатейшая жизненными припасами... И в городе Праге делаются сёдла и узды, и щиты, применяемые и употребляемые в их странах...».

Разложение первобытно-общинного строя началось у чехо-моравских племён ещё в первые века нашей эры. В результате родовая община, как и у других славянских народов, превратилась в сельскую, а пахотная земля стала частной собственностью крестьянина. Однако крестьяне недолго сохраняли полученные наделы в своих руках. Разорившихся крестьян землевладельцы превращали в зависимых держателей, а затем и в крепостных, обязанных платить оброк и нести барщину за полученную для обработки землю.

Развитие земледелия и распространение железных орудий в сельском хозяйстве, а также улучшение плавки и обработки железа делали невыгодным применение в производстве труда рабов. Землевладельческая знать, располагавшая пленными и лицами, отданными в рабство по суду, предпочитала поэтому продавать их на рынках или же наделять их землёй и приближать по положению к крепостным крестьянам, имевшим своё хозяйство и выплачивавшим своим господам часть урожая. Так на основе утверждавшейся феодальной собственности на землю в Чехии и Моравии складывались феодальные отношения. Этот процесс феодализации, начавшийся в VI в., завершился в X в.

Первые государственные образования на территории Чехии, Моравии и Словакии

Необходимость подавлять растущее сопротивление народных масс обусловила наблюдавшееся уже в VI—VII вв. сплочение землевладельческой знати каждого племени и возрастание власти племенных вождей. Росла их военная и судебная власть. Вожди, называвшиеся теперь князьями, выступали уже в качестве организаторов земельных захватов знати. Объединение славянских племён было ускорено внешней опасностью, возникшей во второй половине VI в. в связи с нашествием воинственных кочевых племён — авар, пришедших из приазовско-черноморских степей и утвердившихся в VI в. в Паннонии. Против авар, орды которых нападали на земледельческие славянские племена, выступили объединившиеся чехоморавские и паннонские княжества, образовавшие в 623 г. первый крупный союз западнославянских племён.

Во главе этого союза стал энергичный военачальник Само — по мнению многих учёных, славянин, — нанёсший аварам сокрушительное поражение. Эта победа Само освободила Византию и Франкское королевство от опасности дальнейшего наступления кочевых орд авар. Но Само пришлось вступить в борьбу и с франкским королём Дагобертом I (629—639), который сделал попытку подчинить себе западных славян. Само дважды разбил войска Дагоберта и отстоял землю славянских племён от новой опасности. Союз западнославянских племён, известный в истории как «государство Само», был очень обширен. В него входили, кроме племён Чехии, Моравии и Паннонии, также и многие славянские племена Силезии, Лужицы и других земель по среднему течению Лабы. После смерти Само (658 г.), когда непосредственной опасности со стороны внешних врагов уже не существовало, его государство распалось.

Развитие феодальных отношений в VIII и IX вв. создало предпосылки для более прочного объединения Чехо-Моравии. Немаловажное значение имела при этом и вновь появившаяся необходимость общей обороны славян в связи с захватническими действиями Карла Великого и его преемников и особенно в связи с агрессией возникшего после распада Каролингской империи Германского королевства. В первой половине IX в. между Средним Дунаем и верховьями Лабы и Одры образовалось обширное государство западных славян — Великоморавское княжество. Преемник Карла Великого — Людовик Благочестивый, который стремился к уничтожению возникшего самостоятельного

славянского государства, попытался осуществить свои планы с помощью некоторых из славянских князей и феодалов, являвшихся противниками центральной власти. Однако союзник Людовика — князь Нитры Прибина был изгнан из Нитры великоморавским князем Моймиром (818—843).

Первому королю Германского королевства Людовику Немецкому удалось свергнуть Моймира с помощью его племянника Ростислава. Но попытка навязать славянскому государству господство чужеземных феодалов и с помощью немецкого духовенства распространить среди славянского населения западнохристианскую религию вызвала протест народных масс Великоморавии и заставила большинство великоморавских феодалов и самого князя Ростислава (846—870) выступить против Людовика Немецкого. В 860г. мораване убили Прибину, который проводил политику в интересах немецких феодалов в его новом княжестве — Паннонии. После этого сын Прибины — Коцел занял по отношению к Людовику Немецкому враждебную позицию.

Решительная борьба с экспансией немецких феодалов вызвала потребность создания в Великоморавии собственной славянской церковной организации. Эта же борьба сделала для Великоморавии необходимым политическое сближение с Византией, которая также была заинтересована в ограничении немецкого продвижения на восток. По просьбе князя Ростислава византийское правительство направило в 863г. в Великоморавию Константина (Кирилл) и брата его Мефодия, деятельность которых получила важное политическое и культурное значение в истории ряда славянских народов. Эта деятельность способствовала созданию у них церковной организации, связанной с восточной православной церковью и с богослужением на славянском языке, была заложена и основа письменности на старославянском языке.

Борьба с агрессией немецких феодалов стала в Великоморавии всенародным делом. Несмотря на то, что германскому королю удалось в значительной степени склонить на свою сторону великоморавского князя Святополка (870—894), добившегося власти при его поддержке, сохранение независимости Великоморавии было обеспечено движением народных масс. В 874 г. Людовик Немецкий был вынужден признать независимость славянского государства. Создание Великоморавского государства и одержанные им победы имели важное политическое значение для всех западных славян. Власть Великоморавского государства распространилась на Паннонию, заселённую в то время преимущественно славянами, а также на славянские земли по верховьям Лабы, Одры и в Карпатах.

С 80-х годов началось постепенное ослабление Великоморавии. Это огромное государство ещё не обладало внутренней прочностью. При сыновьях Святополка в Великоморавском государстве начались внутренние усобицы. Отдельные славянские племена отпали от государства, и ослабленная Великоморавская держава не смогла отразить удара, нанесённого ей в 905—906 гг. кочевыми племенами венгров. Венгры завоевали словацкие земли, составлявшие значительную часть Великоморавской державы. С этого времени историческое развитие подпавших под иноземное иго словаков пошло особым путём, отличаясь от развития чехов, образовавших своё самостоятельное государство.

Образование Чешского государства

В конце IX и начале X в. оформилось и окрепло Чешское государство, ставшее оплотом борьбы славян против агрессии немецких феодалов и сыгравшее важнейшую роль в деле сохранения и развития западнославянской культуры. Чешское княжество образовалось на рубеже VII и VIII вв. В IX в. оно входило в состав Великоморавии, объединяя не одно только племя чехов, а почти всех славян, заселявших окружённую горами территорию на Верхней Лабе с её притоками Влтавой и Огрой. Процесс образования единой чешской народности из всех славянских племён этого района на

основе территориальной и культурной общности и сложившегося общего языка был уже в IX в. близок к завершению.

Чехия вышла из состава Великоморавского государства за 10 лет до его падения. В борьбе против натиска кочевников-венгров чешский князь Братислав I сумел отстоять независимость всей славянской территории, объединённой чехами. То обстоятельство, что объединение славянских племён на указанной территории выпало на долю чешских князей, не было случайным и объяснялось прежде всего более высоким уровнем развития чешской экономики. Чешские князья Болеслав I (935—967) и Болеслав II (967—999) успешно подавили сопротивление отдельных воевод и князей, не желавших признавать их верховную власть. Болеслав II покорил наиболее упорствовавшего князя из рода Славников, разорил его столицу Либице и присоединил к Чешскому княжеству все подвластные ему земли. Этим актом объединение чешских земель было в основном завершено.

Внешняя политика чешских князей в X в.

Победа, одержанная над венгерскими кочевниками германским императором Оттоном I благодаря помощи чешской армии Болеслава I в битве при Лехе в 955 г., создала условия для распространения власти чешских князей на лежащие к востоку от Чехии славянские земли. К Чехии были присоединены Моравия, некоторые смежные земли в верховьях Одры и район Кракова. Во второй половине X в. произошло политическое сближение между Чехией и Русью. После занятия в 981 г. великим князем киевским Владимиром Святославичем района Перемышля между Киевской Русью и Чехией установилась общая граница. Русская летопись сообщает, что в 992 г. послы чешского князя прибыли в Киев к Владимиру «с любовью и миром, поздравляя его с крещением, и дары многи принесли». Говоря же об отношениях между великим князем киевским и князем Чехии в 996 г., летопись пишет, что «был мир между ними и любовь». Политическое сближение между Чехией и Русью находило своё выражение и в династических браках, заключавшихся между представителями обоих княжеских домов. Первый письменный источник, говорящий об экономических связях между Чехией и Русью, относится к середине X в. Из описания Ибрахима ибн Якуба видно, что приход в Прагу русов и других славян с товарами являлся регулярным и установившимся издавна. Установление этих связей подтверждается и данными археологии.

Польские земли в период формирования феодальных отношений и образование Древнепольского государства (VII—XI вв.).

Экономическое развитие в VI — X вв.

Славянские племена, населявшие польские земли, с глубокой древности занимали обширную территорию Восточноевропейской равнины, ограниченную на западе реками Одрой, Лужицкой Нисой и Бобром. На севере на протяжении 400 км польские земли омывались водами Балтийского моря. На юге границей являлись Карпаты. Западными соседями польских славян были полабо-прибалтийские славяне, южными — чехи, моравы и словаки. На севере и северо-востоке возвышенности Прусского Поозёрья и девственные северомазовецкие пущи отделяли польские земли от земель пруссов и литовского племени ятвягов. С востока и юго-востока к польским землям подходили древнерусские земли. Границу здесь образовывали густые леса между реками Бугом и Вепшем.

В VI—X вв. польская группа западных славян достигла сравнительно высокого уровня развития производительных сил. Основой их хозяйства являлось развитое пашенное земледелие. В середине X в., по свидетельству Ибрахима ибн Якуба, в Польше уже было известно трёхполье. Наиболее распространёнными сельскохозяйственными культурами являлись просо, пшеница, овёс, ячмень, рожь, лён и конопля. Значительного развития достигли садоводство и огородничество. Со второй половины X в. в Польше была известна культура винограда. Наряду с земледелием большое значение имело животноводство. Основная масса земледельческого населения жила в селищах —

неукреплённых поселениях. Гроды — хорошо укреплённые поселения — служили убежищем для окрестного сельского населения во время нападения врагов. Гроды были военно-административными пунктами и центрами религиозного культа. По мере складывания феодальных отношений гроды превращались в замки князей и знати. С другой стороны, с развитием ремесленного производства и торговли часть гродов становилась ремесленными и торговыми центрами. Вокруг них возникали посады с торгово-ремесленным населением. Крупными торгово-ремесленными центрами уже в X—XI вв. являлись Познань, Гнезно, Вроцлав, Краков, а в Поморье — Волин, Гданьск, Колобжег.

В VII—IX вв. в связи с разложением сельской общины, а также в результате прямого захвата земель общинников знатью в Польше стала складываться феодальная собственность на землю. Как и многие другие народы Европы, поляки перешли от первобытно-общинного строя к феодальному, миновав рабовладельческий способ производства. Хотя польские племена и знали рабство, появившееся ещё в период первобытно-общинного строя, однако оно не получило у них дальнейшего развития. В дальнейшем феодализирующаяся знать «сажала» рабов на землю, предоставляя в их пользование небольшие участки.

Образование Древнепольского государства

Образование государства в польских землях, происходившее в условиях распада первобытно-общинного строя, было, так же как и в других европейских странах, процессом сложным и длительным. Объединение польских земель первоначально происходило вокруг нескольких Центров. Упомянутые в источниках польские племена — поляне, куявяне, мазовшане, ленчицане, висляне, поморяне, слензане и др. — являлись по сути дела объединениями, связанными с определённой территорией и возникшими на основе существовавших ранее племенных союзов.

Около середины IX в. процесс образования государства в польских землях принял иной характер. Началось объединение племён или племенных княжеств. Первоначально это объединение шло вокруг двух основных центров — княжества вислян в Малой Польше и княжества полян в Великой Польше. После же завоевания княжества вислян Великоморавией (около 877 г.) центром складывавшегося государства стала Великая Польша. Во второй половине X в. после ожесточённой борьбы между отдельными княжествами процесс образования Древнепольского государства завершился. Первым его достоверно известным князем был Мешко I (960—992) из рода Пястов.

Образование относительно единого раннефеодального государства и преодоление племенной раздробленности сыграли значительную роль в процессе консолидации населения этих земель в польскую народность. На основе старых племенных диалектов начал формироваться единый древнепольский язык. В 966 г. Мешко I и польская знать приняли христианство по западнохристианскому обряду. Это обстоятельство открывало путь для проникновения в Польшу влияния папского престола и немецкого духовенства, тормозившего развитие самобытной польской культуры.

Древнепольское государство в X — начале XI в.

Древнепольское государство было вынуждено отстаивать своё существование в борьбе с захватническими устремлениями немецких феодалов. Используя феодальные усобицы в Германии после смерти императора Оттона I (973 г.), Мешко повёл успешную борьбу с немецкими феодалами. Направленное против них всеобщее восстание полабских славян, начавшееся в 983 г., на два десятилетия избавило Польшу от угрозы германской феодальной агрессии.

Своего наибольшего территориального расширения Древнепольское государство достигло в правление сына Мешко I — Болеслава I Храброго (992—1025). При нём завершился процесс объединения польских земель. В 999 г. он присоединил к Польскому государству Краков и всю Краковскую землю, одну из наиболее экономически развитых польских земель, которая до того времени входила в состав Чешского княжества. При

Болеславе Храбром оформилась система государственного управления раннефеодальной Польши. Местное управление опиралось на разветвлённую систему родов, во главе которых стояли назначаемые центральной властью правители — комесы, позднее получившие название каштелянов. В их функции входило командование местным ополчением, суд, сбор налогов и дани с населения и т. п. Наряду с этим в некоторых областях сохранялась, по-видимому, власть местных князей. Польский князь командовал войском, творил суд и ведал внешнеполитическими делами. При князе существовал совет знати. Военные силы Польши состояли из княжеской дружины и ополчения, включавшего в себя тяжеловооружённую конницу из рыцарей, или панцирных воинов, и пехоту — щитников из свободных крестьян-общинников.

Во внешней политике Польши в X — начале XI в. важнейшее место занимали взаимоотношения с Германской империей. Большой дипломатический успех был достигнут Болеславом Храбрым в 1000 г. при встрече в Гнезно с германским императором Оттоном III: император согласился на создание в Польше независимого Гнезненского архиепископства. Решения, принятые в Гнезно, были направлены на укрепление независимости Польского государства, что вызвало крайнее недовольство германских феодалов, особенно духовных. С претензиями на сохранение своей власти над польскими землями выступило Магдебургское архиепископство.

Польско-германские отношения особенно обострились после смерти в 1002 г. императора Оттона III и вступления на престол Генриха II. Война с Германской империей надвигалась. Понимая это, Болеслав Храбрый воспользовался начавшимися в Германии в это время феодальными усобицами и перешёл в наступление. После многолетней войны, длившейся с перерывами около 14 лет (с зимы 1003 по 1018 г.) и протекавшей с переменным успехом, был заключён Будишинский мир, по которому к Польше отошли Лужицы и Мильско. Польскому народу удалось не только отстоять свою независимость, но и освободить от гнёта германских феодалов часть земель полабских славян. В 1025 г. польский князь принял титул короля.

Первостепенное значение для судеб Древнепольского государства имели его взаимоотношения с Русью. При Болеславе Храбром, однако, отношения между Польшей и Русью ухудшились. Под влиянием части польской феодальной знати, стремившейся к захвату богатых русских земель, Болеслав предпринял поход на Киев.

Германский император Генрих II предложил Болеславу военную помощь против Руси, стремясь направить устремления Польши на восток и отвлечь её внимание от западных границ. Удобный случай вмешаться во внутренние дела Древнерусского государства для Болеслава представился, когда к нему обратился за помощью его зять Святополк, изгнанный из Киева своим братом Ярославом Мудрым. В 1018 г. польский князь, в войске которого были немецкие рыцари, венгры и печенеги, овладел Киевом. На киевском великокняжеском столе был восстановлен ставленник Болеслава — Святополк. Болеславу удалось захватить также часть Древнерусского государства. Однако эти победы польского князя были недолговечны. Ярослав Мудрый вновь изгнал Святополка из Киева, а впоследствии вернул Древнерусскому государству захваченные территории.

В последние годы правления Болеслава Храброго Польша вступила в полосу внешнеполитических поражений и длительных внутренних междоусобиц, связанных с выступлением против центральной власти отдельных групп духовной и светской знати. Неудачно для Древнепольского государства развивались конфликты с Чехией и Венгрией. В 1021 г. Чехии удалось вернуть захваченную Болеславом Храбрым Моравию. Резкое ухудшение международного положения Польши было обусловлено, прежде всего, напряжённостью польско-русских отношений. При сыне Болеслава Мешко II (1025—1034) Германская империя напала на Польшу. Против неё выступили также Чехия и Русь, стремившаяся вернуть себе захваченные польскими феодалами земли. Польша потерпела крупные поражения и потеряла все земли, подчинённые ей при Болеславе Храбром.

Внешнеполитические неудачи переплетались с тяжёлым внутренним положением, связанным с ожесточённой борьбой феодальных группировок.

Восточнославянские государственные объединения

Образование Древнерусского государства с центром в Киеве

Значение периода с VI по IX в. в истории восточного славянства

В истории средневековой Европы до X в. было два момента, когда судьбы славян вошли в особенно тесное соприкосновение с судьбами других европейских народов и государств. Первый раз это произошло в VI в. н. э., в ту бурную эпоху, когда молодые народы Европы, у которых ещё господствовал общинный строй, обрушились на Восточную Римскую империю, ускоряя там процесс развития феодализма. Второй раз славяне вышли на международную арену в IX в., когда Византия уже была феодальным государством, а в Западной Европе сложилась феодальная империя Каролингов. Крупнейшими из славянских государств, образовавшихся в это время, являлись Великоморавская держава (правда, просуществовавшая недолго) и Киевская Русь, в составе которой уже в середине IX в. половина восточнославянских племён была объединена вокруг «матери городов русских», как называет русская летопись Киев.

Русь в конце X - начале XII в. (980-1125 г

Длительная борьба европейских государств против набегов норманнов, авар, венгров и печенегов не могла заслонить от современников рождения в Восточной Европе нового феодального государства — Киевской Руси. О нём заговорили в Константинополе и в Риме, императоры заключали с ним договоры, миссионеры торопились приобщить его к христианству, а купцы — завязать с ним торговые связи. Багдадские халифы интересовались путями на Русь и русскими товарами. Учёные-географы Египта, Средней Азии и Ирана составляли описания Руси.

Время с VI по IX в.— это ещё последняя стадия первобытно-общинного строя, время классообразования и незаметного на первый взгляд, но неуклонного роста предпосылок феодализма. К сожалению, этот период не освещён источниками на всём своём протяжении. Византийские, арабские и др. иноземные источники содержат данные, характеризующие только начало и конец этого процесса — бурное начало, когда славянская племенная знать впервые получила материальную возможность организовать далёкие походы, и время образования раннефеодального государства. Точно так же и русские источники дают материал для характеристики событий тех же двух столетий (VI и IX) русской истории.

Русская земля в VI—VII вв.

Ценнейшим памятником, содержащим сведения о начале Русского государства, является летописный свод «Повесть временных лет, откуда пошла Русская земля и кто в Киеве начал первый княжить и откуда Русская земля стала», составленный, по всей вероятности, киевским монахом Нестором около 1113 г. Нестор использовал более ранние русские летописи, народные сказания, памятники византийской и западнославянской письменности. Он производил и специальные изыскания по некоторым вопросам русской истории.

Дошедшая до нас редакция труда Нестора, в которой имеется ряд позднейших переработок, тенденциозных искажений и наслоений, сохранила и первоначальный текст «Повести временных лет», свидетельствующий об интересной попытке летописца XII в. ответить на вопрос, как возникло Русское государство («как стала Русская земля»). Начав свой рассказ, как и все средневековые историки, со всемирного потопа, Нестор повествует о расселении в древности западных и восточных славян в Европе. Он делит восточнославянские племена на две группы, уровень развития которых, согласно его описанию, был неодинаков. Одни из них жили, по его выражению, «зверинским образом», сохраняя черты родового строя: кровную месть, пережитки матриархата, отсутствие

брачных запретов, «умыкание» (похищение) жён и т. д. Этим племенам Нестор противопоставляет полян, в земле которых был построен Киев. Поляне — это «смысленные мужи», у них уже утвердилась патриархальная моногамная семья и, очевидно, изживалась кровная месть (они «отличаются кротким и тихим нравом»).

Археологическая карта II—V вв. н. э. тех земель, которые называет Нестор, позволяет нам поверить рассказу летописца. Во-первых, описанный им погребальный обряд — захоронение остатков сожжённого трупа в урнах и в столпах-домовинах (наземных сооружениях)— находит полное соответствие в обряде захоронения, о котором свидетельствуют так называемые поля погребальных урн. Во-вторых, жившие в лесных областях древляне (на правом берегу Днепра), радимичи (по реке Сожу) и вятичи (по реке Оке) действительно обладали в то время более низкой культурой, чем поляне. Земля полян в известной мере совпадает с областью распространения во II—V вв. черняховской культуры, носители которой в своём развитии уже подошли к последней грани первобытно-общинного строя, а, может быть, кое-где и перешагнули через неё.

Далее Нестор повествует о том, как был создан город Киев. Княживший там князь Кий, по рассказу Нестора, приезжал в Константинополь в гости к императору Византии, который принял его с большими почестями. Возвращаясь из Константинополя, Кий построил город на берегу Дуная, предполагая обосноваться здесь надолго. Но местные жители враждебно отнеслись к нему, и Кий вернулся на берега Днепра.

Из сочинения византийского историка Прокопия Кессарийского известно, что император Юстиниан I (527—565) пригласил к себе на службу одного антского князя и поручил ему защиту крепости на Дунае. Однако этот пришлый антский князь скоро был вынужден под давлением окрестных племён оставить город. Рассказы Прокопия и Нестора очень близки между собой.

Таким образом, первым историческим событием на пути создания Древнерусского государства Нестор считал образование княжества полян в Среднем Приднепровье. Сказание о Кии и его двух братьях распространилось далеко на юг и было занесено даже в Армению. Неизвестно, существовал ли действительно князь по имени Кий или это только эпическое имя, образованное от города Киева и относящееся к какому-то князю, жившему приблизительно во времена Юстиниана. Но несомненно, что киевский летописец уловил очень важный рубеж в истории восточного славянства, отметив складывание союзов племён, появление князей, повелевавших значительными массами соплеменников, строительство крепостей, из которых впоследствии развились феодальные замки или города.

Ту же картину рисуют нам и другие византийские писатели VI в. Они отмечают, во-первых, изменение славянских племенных имён, отражавшее перегруппировки племён в период создания их союзов. Во-вторых, византийские авторы говорят о появлении среди антов предводителей вроде Мезамира, сына Идарисия, опасных для Византии тем, что они могли объединить и возглавить «бесчисленные племена» антов. Известен ряд славянских князей, которых византийцы привлекали на свою службу и назначали полководцами, начальниками эскадр и пограничных областей.

В царствование Юстиниана I огромные массы славян продвинулись к северным рубежам Византийской империи. Они переходили Дунай, преодолевали линии пограничных укреплений и отвоёвывали у империи плодородные балканские земли. Византийские историки красочно описывают вторжение в пределы империи славянских войск, увидивших пленных и увозивших богатую добычу, заселение империи славянскими колонистами. Появление на территории Византии славян, у которых господствовали общинные отношения, содействовало изживанию здесь рабовладельческих порядков и развитию Византии по пути от рабовладельческого строя к феодализму.

Успехи славян в борьбе с могущественной Византией свидетельствуют о сравнительно высоком для того времени уровне развития славянского общества: уже

появились, очевидно, материальные предпосылки для снаряжения значительных военных экспедиций, а строй военной демократии позволял объединять крупные массы славян. Далёкие походы содействовали усилению власти князей и в коренных славянских землях, где создавались племенные княжения.

Византийские писатели упоминали о славянах лишь в тех случаях, когда они появлялись у границ империи или когда императорские войска выжигали славянские деревни в пограничных землях; жизнь внутренних областей Восточной Европы им была неизвестна. Исключительно важным источником является географическое описание южнорусских степей и более северных областей, сделанное в середине VI в. безымянным сирийским автором. Перечислив ряд кочевых племён, этот сириец упомянул и народ «рос», народ богатырей, который он противопоставил кочевникам. Судя по географическим данным указанного источника, этот «народ» должен быть помещён где-то на север от степей, возможно в Среднем Приднепровье, в бассейне реки Роси, название которой может быть связано с именем *рос*.

Давно уже замечено, что в русских летописях XII в. слова «Русская земля» употребляются в двух значениях: во-первых, для наименования всех восточнославянских земель, а во-вторых, только применительно к очень ограниченной территории Среднего Приднепровья, включающей в себя Киев, бассейн реки Роси и лесостепную зону на левом берегу Днепра вплоть до Курска. Выделение указанной территории, надо думать, восходит к сравнительно древним временам. Археологические данные показывают, что именно на этой территории в VI—VII вв. были распространены серебряные украшения и поясные наборы особого типа. Полное совпадение основной области распространения этой культуры с Русской землёй, о которой говорят летописцы, позволяет считать её территориальным ядром будущего Древнерусского государства. Во всяком случае, эти археологические данные вполне подтверждают слова Нестора о том, что ядро будущей Киевской Руси начало складываться на берегах Днепра тогда, когда славянские князья совершали походы в Византию и на Дунай, во времена, предшествующие нападению хазар (VII в.).

Очевидно, русь (по Нестору «поляне, ныне называемые русью») стояла во главе племенного союза, сложившегося в Среднем Поднепровье, её имя постепенно вытеснило имена других племён и распространилось уже в VI—VII вв. почти на всю лесостепную полосу Восточной Европы, занятую славянскими земледельческими и оседавшими на земле неславянскими кочевыми племенами.

Создание значительного племенного союза в южных лесостепных областях облегчало продвижение славянских колонистов не только в юго-западном (на Балканы), но и в юго-восточном направлении. Правда, степи были заняты различными кочевниками: болгарами, аварами, хазарами, но славяне Среднего Приднепровья (Русской земли) сумели, очевидно, и оградить свои владения от их вторжений, и проникнуть в глубь плодородных чернозёмных степей. О славянах на Дону сообщают арабские авторы, повествуя о походе одного из Омейядов — арабского полководца Мервана на Хазарию около 737 г. Хазары господствовали на Нижней Волге, на Дону, на Северном Кавказе. Мерван во главе 150-тысячного войска перешёл Кавказские горы и обрушился на хазар. Захватив хазарские города Семендер и Дайдун (близ Ергеней), Мерван прошёл на «Славянскую реку» — Нижний Дон — и взял там в плен 20 тыс. оседлых славянских семей.

В VII—IX вв. славяне жили и в восточной части хазарских земель, где-то в Приазовье, участвовали совместно с хазарами в военных походах, нанимались на службу к кагану (хазарскому правителю).

На юге славяне жили, очевидно, островками среди других племён, постепенно ассимилируя их, но в то же время и воспринимая элементы их культуры. Так, от скифо-сарматских племён в русский язык вошли отдельные слова, а в русскую языческую религию — некоторые мифологические образы.

О связях Среднего Приднепровья с Прибалтикой и Поволжьем говорят археологические данные. Предметы одежды и украшения VI—VII вв., характерные главным образом для бассейна Роси, встречаются на Оке в тех местах, где позднее возникли на территории поселения мордвы и муромы города Рязань и Муром. Такие же вещи обнаружены и на Верхнем Днепре близ Смоленска, в земле кривичей, на пути «из варяг в греки». На следующем звене этого пути, на южном берегу Ильменя, в земле новгородских словен, появился город, вошедший в летопись под именем Старая Руса, принадлежавший впоследствии новгородским князьям.

Таким образом, княжество полян-руси, с которого летописец начинает историю русской государственности, не только объединило славян Среднего Приднепровья, но и установило какие-то неясные для нас пока связи с другими славянскими и финно-угорскими племенами.

Социально-экономическое развитие восточных славян в VI — IX вв.

На протяжении VI—IX вв. росли производительные силы, видоизменялись родо-племенные институты, шёл процесс классового образования. В качестве важнейших явлений в жизни восточного славянства на протяжении VI—IX вв. следует отметить развитие пашенного земледелия и выделение ремесла; распад родовой общины как трудового коллектива и выделение из неё индивидуальных крестьянских хозяйств, образующих соседскую общину, рост частной земельной собственности и формирование классов; превращение племенного войска с его оборонительными функциями в дружину, господствующую над соплеменниками; захват князьями и знатью племенной земли в личную наследственную собственность и использование ими родо-племенных органов управления в целях упрочения своей власти над рядовыми общинниками, уже утратившими родовую сплочённость.

Материалы сравнительного языкознания свидетельствуют, что земледелие издавна было основой хозяйства славян. Археологические данные о земледелии пока немногочисленны, но и они подтверждают господство земледелия в экономике восточных славян и знакомят нас с формами земледельческих орудий и видами сельскохозяйственных культур (рожь, пшеница, ячмень, овёс, горох, лён и др.). Первое письменное свидетельство об озимых посевах относится к середине X в. Арабский писатель Ибрахим ибн Якуб говорит: «... они (славяне) сеют в два времени года — летом и весной — и пожинают две жатвы». Общие для славянских языков слова «яр», «ярина» и «озимь», «озимина» позволяют предполагать, что чередование озимых и яровых посевов в сельском хозяйстве славян применялось значительно раньше.

Наряду с земледелием у славян получило развитие скотоводство. В их хозяйстве разводились лошади, коровы, овцы, свиньи и пр. Распространёнными промыслами были охота, рыболовство и бортничество.

К IX в. повсеместно на территории расселения восточных славян (включая и малоплодородную Новгородскую область) образовалась значительная площадь расчищенных от леса старопахотных земель, свидетельствующая о дальнейшем развитии производительных сил при феодализме. С каждым столетием сокращалась роль примитивной и трудоёмкой подсечной формы земледелия и неразрывно связанного с ней коллективного труда и хозяйства членов родовых общин.

Объединением небольших родовых общин, для которого характерно известное единство культуры, являлось древнеславянское племя. Таких племён, имена которых уже забыты, было на всей русской равнине, вероятно, 100—200. Каждое из этих племён собирало народное собрание (вече). Постепенно усиливалась власть племенных князей. Развитие межплеменных связей, оборонительные и наступательные союзы, организация совместных походов и, наконец, подчинение сильными племенами своих более слабых соседей — всё это приводило к укрупнению племён, к объединению их в более значительные группы. Русский летописец Нестор не знал мелких восточнославянских

племён, а говорил только о крупных их объединениях: радимичах, кривичах, древлянах, вятичах.

Описывая время, когда происходил переход от родо-племенных отношений к государству, Нестор отмечает, что в различных восточнославянских областях были «свои княжения». Это подтверждается и данными археологии. По особенностям погребального обряда можно судить о границах территорий, которые занимали как небольшие племена, так и обширные племенные союзы.

Образование раннефеодального государства, постепенно подчинившего себе все восточнославянские племена, стало возможным лишь тогда, когда несколько сгладились различия между югом и севером с точки зрения условий ведения сельского хозяйства, когда и на севере оказалось достаточное количество распаханых земельных пространств и потребность в тяжёлом коллективном труде по подсеке и корчёвке леса значительно уменьшилась. Вследствие этого произошло выделение крестьянской семьи как нового производственного коллектива из патриархальной общины.

О сдвигах в социально-экономических отношениях к IX — X вв. свидетельствуют изменения в характере погребальных обрядов и форм поселений, наблюдаемые почти во всех славянских землях. Там, где были коллективные родовые усыпальницы, появляются индивидуальные или парные погребения под небольшой курганной насыпью. Это означает, что отдельные семьи повсеместно выделились как производственные единицы, разорвав древние родовые связи. Этот общий процесс мог быть только отражением новых явлений во внутренней жизни славян — возникновения сельских соседских общин и постепенного перехода к феодализму. Среди археологических памятников IX в. встречаются городища со многими сотнями изб. Это поселения широко разросшихся сельских общин.

Нарушение родовой сплоченности, уход отдельных смердов (крестьян) из общины в неукрепленные починки и заимки, разумеется, ослабляли их сопротивляемость напору дружинников и способствовали прямому подчинению или экономическому закабалению этих смердов.

Возможно, что одним из первых видов эксплуатации у восточных славян, как и у других народов, была эксплуатация рабов. Но, хотя рабы и работали в феодальных усадьбах на Руси, рабовладение не стало здесь основой производственных отношений. Разложение первобытно-общинного строя у восточных славян происходило в то время, когда рабовладельческий строй уже изжил себя во всемирно-историческом масштабе. В процессе классового формирования Русь пришла к феодализму, минуя рабовладельческую формацию.

В IX—X вв. формируются антагонистические классы феодального общества. Повсеместно увеличивается количество дружинников, усиливается их дифференциация, идёт выделение из их среды знати — бояр и князей.

К IX в. у славян получило значительное развитие ремесло. Кузнецы научились изготавливать не только железо, но и высококачественную сталь. Появились серебряных дел мастера, гончары и ремесленники ряда других специальностей. Важным в истории возникновения феодализма является вопрос о времени появления на Руси городов, но он не решён ещё в полной мере историками. В условиях родо-племенного строя существовали определённые центры, где собирались племенные вече, выбирался князь, совершалась торговля, производились гадания, решались судебные дела, приносились жертвы богам и отмечались важнейшие даты года. Иногда такой центр становился средоточием важнейших видов производства. В древнем Пскове, например, археологами обнаружено много железоплавильных горнов.

Большинство этих древних центров превратилось позднее в средневековые города. В IX—X вв. феодалы создали ряд новых городов, служивших как целям обороны от кочевников, так и целям господства над закрепощаемым населением. В городах концентрировалось и ремесленное производство. Старое название «город», обозначавшее

укрепление, стало применяться уже к настоящему феодальному городу с детинцем-кремлём (крепостью) в центре и обширным ремесленно-торговым посадом.

При всей постепенности и медленности процесса феодализации можно всё же указать определённую грань, начиная с которой имеются основания говорить о феодальных отношениях на Руси. Этой гранью является IX столетие.

Сведения восточных авторов, восходящие в своём большинстве к источникам IX в., дополняют данные археологии. Из арабских, среднеазиатских и персидских сочинений мы узнаём о том, что славяне занимались земледелием, что у них достигло значительных размеров бортничество. Особенно интересны данные о социальных отношениях у восточных славян. «У русов существует класс рыцарей», — сообщает безымянный среднеазиатский географ. Другие авторы говорят о делении славян на простых и знатных, о князе, собирающем дань, творящем суд, имеющем в своём подчинении «правителей отдалённых областей», распоряжающемся конницей.

Часть крестьян, как можно полагать на основании более поздних известий, эксплуатировалась князьями путём взимания дани, часть вносила оброк боярам и дружинникам или выполняла на их землях барщинные работы. Из источников можно вынести совершенно определённое впечатление, что в IX в. у восточных славян уже образовалось феодальное государство.

Образование Древнерусского государства в IX в.

Объединённые в единое государство земли восточнославянских племён получили название Руси. Доводы историков-«норманнистов», пытавшихся объявить создателями Древнерусского государства норманнов, называвшихся тогда на Руси варягами, неубедительны. Эти историки заявляли, что под Русью летописи подразумевали варягов. Но как уже было показано, предпосылки для образования государств у славян складывались на протяжении многих веков и к IX в. дали заметный результат не только в западнославянских землях, куда никогда не проникали норманны и где возникла Великоморавская держава, но и в землях восточнославянских (в Киевской Руси), где норманны появлялись, грабили, уничтожали представителей местных княжеских династий и иногда сами становились князьями. Очевидно, что норманны не могли ни содействовать, ни серьёзно мешать процессу феодализации. Название же Русь стало употребляться в источниках применительно к части славянства за 300 лет до появления варягов.

Известны две формы этого слова — «рос» и «рус». Древнейшие памятники предпочитают первую форму «росские письмена», («Правда росьская»), в византийских источниках сохранились оба наиболее архаичные названия. Впервые упоминание о народе *рос* встречается в середине VI в., когда сведения о нём достигли уже Сирии. Поляне, называемые, по словам летописца, русью, становятся основой будущей древнерусской народности, а их земля — ядром территории будущего государства — Киевской Руси. Как протекал процесс объединения славянских и неславянских племён вокруг Руси, в точности не известно. По счастью, в «Повести временных лет», первоначальный текст которой, составленный Нестором, был искажён последующими авторами, среди известий, принадлежащих Нестору, уцелел один отрывок, в котором описывается Русь до появления там варягов. «Вот те славянские области, — пишет Нестор, — которые входят в состав Руси: поляне, древляне, дреговичи, полочане, новгородские словене, северяне...». Этот список включает только половину восточнославянских областей. В состав Руси, следовательно, в то время ещё не входили кривичи, радимичи, вятичи, хорваты, уличи и тиверцы. Датировать известия, содержащиеся в этом исключительно ценном отрывке, можно временем не позднее середины IX в., так как в конце IX и в X в. географические очертания Руси были, согласно той же летописи, уже иными.

Таким образом, имеются основания говорить о нескольких этапах роста территории Руси: в VI в. земля полян-руси была ограничена рамками Среднего Приднепровья, а к середине IX в. она включила целый ряд областей, в которых имелись

«свои княжения». В состав Руси теперь вошла широкая полоса славянских земель от реки Роси на юге до озера Ильмень на севере. Нестор упомянул и ряд финно-угорских и балтийских племён, подвластных Руси и обязанных уплачивать ей дань.

Об этом государстве сохранился ряд сведений и в иностранных источниках, относящихся к IX в., подтверждающих и уточняющих данные Нестора.

В 839 г. послы русского «хакана» побывали у императора Людовика Благочестивого. В начале IX в. русское войско воевало в Крыму «от Сурожа до Корчева» (от Судака до Керчи). Примерно в это же время русы совершили поход на южное побережье Чёрного моря. В середине IX в., по сообщению арабского писателя Ибн Хордадбега, русы («племя из славян») плавали через Керченский пролив в Азовское море, поднимались Доном до его сближения с Волгой и спускались в Каспийское море, доходя сухим путём до Багдада. Другие восточные авторы различают для этого времени русов и славян, подразумевая, очевидно, под русами дружины государства Руси, а под славянами — другие славянские племена, ещё не вошедшие в состав этого государства. Первым городом Русской державы они называют Куябе — Киев.

Давно начавшаяся колонизация южных областей славянами облегчала утверждение Древнерусского государства на Чёрном море. Здесь русы приходили в столкновение с Византией, хазарами, печенегами. «Русы воюют с окрестными народами и побеждают их», — пишет упомянутый уже среднеазиатский автор.

В 860 г. русское войско, мстя за нарушение византийцами какого-то договора и за убийство русских, осадило Константинополь и едва не взяло город. Вскоре нападения русов на Византию возобновились. После одного из таких походов византийский император направил на Русь епископа, который крестил часть русов. Степень христианизации славян в IX в. не следует преувеличивать. Тогда, очевидно, только небольшая часть дружинников приняла христианство. Но и в самом язычестве наблюдались новые явления, свидетельствующие о рождении феодального строя. Среди языческих божеств на первое место выдвинулся Перун, бог грозы, превратившийся в бога войны и покровителя дружинников.

В некоторых поздних русских летописях (например, в Никоновском своде XVI в.) сохранился текст, возможно, представляющий собой утраченную часть труда Нестора и посвящённый Руси IX столетия, до того времени, когда туда проникли варяги. В этом интересном отрывке рассказывается о киевском князе Оскольде (Аскольде), или о двух князьях — Аскольде и Дире, которые, как можно предполагать, не были варягами. Славянский князь Дир известен и арабскому автору X в. Масуди. Когда норманны после некоторой борьбы проникли в Новгород (где захватил власть варяжский конунг Рюрик) и стали собирать дань с полочан и кривичей, киевский князь Оскольд (происходивший, вероятно, из династии Кия) организовал два похода — в Полоцкую и Кривичскую земли. Таким образом, летописи сохранили рассказ об организованном отпоре варягам со стороны Киевской Руси.

Древняя Русь конца IX — начала XII в.

Объединение восточнославянских земель в составе Древнерусского государства в конце IX и в X в.

Во второй половине IX в. новгородский князь Олег (по-видимому, варяг по происхождению) объединил в своих руках власть над Киевом и Новгородом. Это событие летопись датирует 882 г. Образование в результате возникновения антагонистических классов раннефеодального Древнерусского государства (Киевской Руси) было переломным моментом в истории восточных славян. Процесс объединения восточнославянских земель в составе Древнерусского государства был сложным. В ряде земель киевские князья встречали серьёзное сопротивление со стороны местных феодальных и племенных князей и их «мужей». Сопротивление это подавлялось силой оружия.

В княжение Олега (конец IX — начало X в.) уже взималась постоянная дань с Новгорода и с земель северорусских (новгородские или ильменские словене), западнорусских (кривичи) и северовосточных (где жило финское племя меря, скоро растворившееся в массе славянства). Дружины Олега ходили в землю древлян, живших по правой стороне Днепра. Олег «примучил» их (подчинил своей власти), заставив местных князей платить дань. Из Восточного Поднепровья дружины киевского князя вытеснили хазар и заняли черниговские земли северян и радимичей. Киевский князь Игорь (начало X в. — 945 г.) в результате упорной борьбы подчинил земли уличей и тиверцев. Таким образом, граница Киевской Руси была продвинута за Днестр.

Длительная борьба продолжалась с населением Древлянской земли. Игорь увеличил размеры взимаемой с древлян дани. Во время одного из походов Игоря в Древлянскую землю, когда он решил собрать двойную дань, древляне разбили княжескую дружину и убили Игоря. В княжение Ольги (945—969), жены Игоря, земля древлян была окончательно подчинена Киеву, их столица Искоростень разрушена, местные князья и знать истреблены, а на древлян наложена дань в увеличенном размере.

Территориальный рост и укрепление Руси продолжались при Святославе Игоревиче (969—972) и Владимире Святославиче (980—1015). В состав Древнерусского государства вошли земли вятичей (по Оке). Власть Руси распространилась на Северный Кавказ. Территория Древнерусского государства расширилась и в западном направлении, включив Червенские города (названные так по городу Червену) и Карпатскую Русь.

С образованием раннефеодального государства создались более благоприятные условия для поддержания безопасности страны и её экономического роста. Но укрепление этого государства было связано с развитием феодальной собственности и дальнейшим закабалением ранее свободного крестьянства, о чём свидетельствует ряд источников. В летописях упоминаются княжеские сёла (X в.), в договорах Руси с Византией фигурируют представители феодальной знати — «князья» и «бояре». Всё это говорит о том, что шёл процесс феодализации.

Политический строй и государственный аппарат в IX — X вв. Войско

Верховная власть в Древнерусском государстве принадлежала великому киевскому князю. При княжеском дворе жила дружина, делившаяся на «старшую» (бояре, княжеские мужи) и «младшую» (гриди, отроки, детские). Княжеские дружинники принимали участие в управлении государством. Так, князь Владимир Святославич вместе с боярами обсуждал вопрос о введении христианства, о мерах борьбы с «разбоями» и решал другие дела. В отдельных частях Руси правили свои князья (например, в Древлянской земле князь Мал). Но великий киевский князь стремился заменить местных правителей своими ставленниками.

Государство содействовало укреплению господства феодалов на Руси. Аппарат власти обеспечивал поступление дани, взимаемой деньгами и натурой (например, мехами). Единицей обложения было отдельное крестьянское хозяйство — дым, рало, плуг. Трудовое население выполняло и ряд других повинностей — военную, подводную, участвовало в постройке крепостей, дорог, мостов и т. д. Отдельные княжеские дружинники получали в управление целые области с правом взимать дань. Вначале дань собиралась во время полюдья — периодических объездов подвластных земель князем с дружиной, но затем стала вводиться постоянная военно-административная организация на местах. В середине X в. при княгине Ольге были определены размеры повинностей (даней и оброков) и установлены временные и постоянные становища и погосты, в которых производился сбор дани.

Нормы обычного права складывались у славян с глубокой древности. С возникновением и развитием классового общества и государства, наряду с обычным правом и постепенно заменяя его, появились и развивались письменные законы, охранявшие интересы феодалов. Уже в договоре Олега с Византией (911 г.) упомянут «закон русский». Сборником письменных законов является «Русская правда» так

называемой «Краткой редакции» (конец XI — начало XII в.). В её составе сохранилась «Древнейшая правда», записанная, по-видимому, в начале XI в., но отразившая некоторые нормы обычного права. В ней говорится ещё о пережитках первобытно-общинных отношений, например о кровной мести. Закон рассматривает случаи замены мести денежным штрафом в пользу родственников пострадавшего (впоследствии в пользу государства).

Вооружённые силы Древнерусского государства состояли из дружины великого князя, дружин, которые приводили подчинённые ему князья и бояре, и народного ополчения (воев). Численность войска, с которым князья выступали в походы, доходила иногда до 60—80 тыс. Важную роль в вооружённых силах продолжало играть пешее народное ополчение. Использовались на Руси и отряды наёмников — кочевников степей (печенегов), а также половцев, венгров, литовцев, чехов, поляков, варягов-норманнов, но роль их в составе вооружённых сил была незначительна. Древнерусский флот состоял из судов, выдолбленных из деревьев и обшитых по бортам досками. Русские суда плавали по Чёрному, Азовскому, Каспийскому и Балтийскому морям.

Внешняя политика киевских князей X в.

Внешняя политика Древнерусского государства выражала интересы растущего класса феодалов, расширявшего свои владения, политическое влияние и торговые связи. Стремясь к покорению отдельных восточнославянских земель, киевские князья приходили в столкновение с хазарами (тюрки-кочевники, подчинившие ряд славянских племён и основавшие свое государство в низовьях Волги). Продвижение к Дунаю, стремление овладеть торговым путём по Чёрному морю и крымским побережьем приводило к борьбе русских князей с Византией, старавшейся ограничить влияние Руси в Причерноморье. В 907 г. князь Олег организовал поход морем на Константинополь. В русском флоте, по сообщению летописей, было 2 тыс. ладей, в каждой из них находилось по 40 человек. Византийцы вынуждены были просить русских о заключении мира и заплатить контрибуцию. По мирному договору 911 г. Русь получила право беспошлинной торговли в Константинополе.

В княжение Игоря были предприняты два новых похода на Византию. Во время первого похода (в 941 г.) русские прошли черноморское побережье от Босфора до Пафлагонии, но в решающей битве византийцы нанесли поражение русскому флоту, спалив часть его «греческим огнём» (горючей смесью). Второй поход (944 г.) закончился новым мирным договором, менее выгодным для Руси, чем договор 911 г.

Киевские князья предпринимали походы и в более отдалённые земли — за Кавказский хребет, к западному и южному побережьям Каспийского моря (походы 880, 909, 910, 913—914 гг.). В последнем из этих походов участвовало до 50 тыс. человек, а в море вышло до 500 кораблей. В 913 г. русскими войсками был занят один из островов близ Баку. Во время похода 944 г. русские овладели важным центром Закавказья городом Бердаа, но не могли здесь надолго закрепиться из-за сопротивления местных жителей.

Восточная политика Святослава Игоревича имела своей целью выход к морю, овладение волжским путём, укрепление в устьях Дона и расширение связей с Ираном и Средней Азией. Походы войск Святослава в 60-х годах X в. закончились подчинением Волжской Болгарии, разгромом и уничтожением хазарского каганата, занятием городов Саркела, Итиля, Семендера. Были расширены и русские владения на Северном Кавказе, подчинены земли осетин и черкесов (ясов и касогов). Власть Руси распространилась на берега Керченского пролива, где город Тмутаракань стал крупной русской гаванью. Древнерусское государство стремилось укрепиться в низовьях Дуная (в землях, население которых политически зависело от Болгарии).

В период упадка Первого Болгарского царства Византия пыталась столкнуть между собой Русь и Болгарию, которая в начале X в. нанесла Византии серьёзные поражения. Византия рассчитывала ослабить Болгарию и в то же время отвлечь внимание Руси от Херсонеса. Святослав вмешался в византийско-болгарскую борьбу, по отнюдь не в

интересах византийской дипломатии, а в целях расширения владений Руси. В результате первого похода Святослава на Балканы в 968 г. его войска заняли ряд городов по Дунаю (Переяславец и др.).

Ввиду нападения печенегов на Киев войска Святослава были вынуждены вернуться из Болгарии на Русь. Во время второго похода на Балканы в 969 г. Святослав действовал уже в союзе с болгарами против Византии. Русско-болгарские войска, к которым присоединились венгры, вступили в Филиппополь (Пловдив), заняли Фракию, прошли Македонию. Лишь собрав большие силы, византийскому императору Иоанну I Цимисхию удалось взять Великую Преславу. После кровопролитной битвы у Доростола войска Святослава были вынуждены покинуть Балканы. На обратном пути князь был убит печенегами (972 г.). Неудача похода русских привела к тому, что Восточная Болгария попала под власть Византии.

Много сил требовала от Руси борьба с печенегами. Появившись в IX в. из междуречья Волги — Яика, печенеги обосновались в Северном Причерноморье, между Доном и Дунаем, нападая при поддержке Византии на русские границы. При князе Владимире Святославиче на юге; страны была возведена линия укреплений по рекам Стугне, Ирпени, Трубежу и др. и реконструированы городские укрепления Киева.

Принятие христианства

В конце X в. на Руси было официально введено христианство. Развитие феодальных отношений подготовило замену языческих культов новой религией.

Восточные славяне обожествляли силы природы. Среди почитаемых ими богов первое место занимал Перун — бог грома и молнии. Дажь-бог был богом солнца и плодородия, Стрибог — богом грозы и непогоды. Богом богатства и торговли считался Волос, творцом всей человеческой культуры — бог-кузнец Сварог.

У восточных славян имелись капища, где происходили моления и приносились жертвы идолам. Археологами открыто капище Перуна на Пeryни под Новгородом. Заметную роль в общественной жизни играли кудесники-волхвы, ведуны и т. п. Существовал восходящий ещё к родовому строю культ предков. Останки умерших сжигали, и над ними насыпали курган. С развитием индивидуальной семьи вместо устройства родовых усыпальниц над каждым захоронением стал возводиться особый курган.

Христианство рано стало проникать на Русь в среду знати. Ещё в IX в. константинопольский патриарх Фотий отмечал, что Русь переменила «языческое суевение» на «христианскую веру». Христиане были среди дружинников Игоря. Христианство приняла княгиня Ольга.

Владимир Святославич, крестившись в 987 или в 988 г. и оценив политическую роль христианства, решил сделать его государственной религией на Руси. Принятие Русью христианства произошло в сложной внешнеполитической обстановке. В 80-х годах X в. византийское правительство обратилось к киевскому князю с просьбой о военной помощи для подавления восстаний в подвластных землях. В ответ Владимир потребовал от Византии союза с Русью, предлагая скрепить его своей женитьбой на Анне, сестре императора Василия II. Византийское правительство было вынуждено на это согласиться. Русское войско быстро ликвидировало восстание в Малой Азии, но Византия отказалась выполнить условие соглашения с Русью. Тогда Владимир двинулся в Крым, и русское войско в 989 г. заняло Херсонес. Василий II должен был уступить. После брака Владимира и Анны христианство было официально признано религией Древнерусского государства. Христианство, утверждавшее божественное происхождение власти, стало идеологическим орудием укрепления феодального строя и авторитета государства.

Церковные учреждения на Руси получили большие земельные пожалования и десятину из государственных доходов. На протяжении XI в. были основаны епископии в Юрьеве и Белгороде (в Киевской земле), Новгороде, Ростове, Чернигове, Переяславле-

Южном, Владимире-Волынском, Полоцке и Турове. В Киеве возникло несколько крупных монастырей.

Народ встретил враждебно новую веру и ее служителей. Христианство насаждалось насильственно, и христианизация страны затянулась на несколько столетий. В конце XI в. во время народного восстания был убит ростовский епископ Леонтий; в середине XII в. вятичи убили киевского миссионера Кукшу. Дохристианские («языческие») культы долго продолжали жить в народной среде.

Введение христианства было прогрессом в сравнении с язычеством. Вместе с христианством русские получили некоторые элементы более высокой византийской культуры, приобщились, как и другие европейские народы, к наследию античности. Введение новой религии повысило международное значение древней Руси.

Политическая борьба в Древнерусском государстве в начале XI в.

Государственное единство Руси не было прочным. Развитие феодальных отношений и усиление могущества феодалов, а также рост городов, как центров местных княжеств, вели к изменениям в политической надстройке. В XI в. во главе государства по-прежнему стоял великий князь, но зависимые от него князья и бояре приобрели крупные земельные владения в разных частях Руси (в Новгороде, Полоцке, Чернигове, на Волыни и т. д.). Князья отдельных феодальных центров укрепили собственный аппарат власти и, опираясь на местных феодалов, стали рассматривать свои княжения как отчины, т. е. наследственные владения. Экономически они уже почти не зависели от Киева, напротив, киевский князь был заинтересован в поддержке с их стороны. Политическая зависимость от Киева тяготила местных феодалов и князей, правивших в отдельных частях страны.

Признаки непрочности государственного единства обнаружались ещё при Владимире Святославиче. Незадолго до смерти последнего его сын Ярослав, правивший в Новгороде, под влиянием новгородских бояр, стремившихся к отделению от Киева, перестал платить дань великому киевскому князю.

После смерти Владимира в Киеве стал князем его сын Святополк, убивший своих братьев Бориса и Глеба (за что ему было дано прозвище Окаянный) и начавший упорную борьбу с Ярославом. В этой борьбе Святополк использовал военную помощь польских феодалов. Тогда в Киевской земле началось массовое народное движение против польских захватчиков. Ярослав, поддержанный новгородскими горожанами, нанёс Святополку поражение и занял Киев.

Внутренняя и внешняя политика Ярослава Владимировича

В княжение Ярослава Владимировича, прозванного Мудрым (1019—1054), около 1024 г. вспыхнуло большое восстание смердов на северо-востоке, в Суздальской земле. Поводом к нему явился сильный голод. Крестьяне, следуя призывам волхвов, использовавших антифеодальную борьбу в целях защиты языческой веры, начали избивать местную знать, которая прятала запасы хлеба. Для подавления восстания князь Ярослав Владимирович сам отправился в Суздаль. Многие участники восстания были заточены в тюрьмы или казнены. Однако движение продолжалось до 1026 г.

В княжение Ярослава продолжалось укрепление и дальнейшее расширение границ Древнерусского государства. В Прибалтике в 1030 г. был построен город Юрьев (позднейший Тарту). В 1031 г. были вновь присоединены Червеньские города Юго-Западной Руси. В то же время киевский князь подчинил себе Черниговскую и Тмутараканскую земли (1036 г.). В 1038—1040 гг. русские войска совершили походы в литовские земли. В 1040 г. Древнерусское государство подчинило себе Южную Финляндию.

В 1036 г. на Киев напали печенеги, но, потерпев сильное поражение, были вынуждены в дальнейшем уйти за Дунай. Вместо них южнорусские степи заняли сперва тюрки-огузы, а затем половцы, которые, начиная с 60-х годов XI в., совершали набеги на русские земли и, захватывая пленников, продавали их в рабство.

Признаки феодального дробления государства проявлялись всё отчетливее. Известную самостоятельность получила Новгородская земля, обособилось Полоцко-Минское княжество.

Восстания смердов и горожан в 60-х годах XI в.

После смерти Ярослава государственная власть перешла к трём его сыновьям. Старшинство принадлежало Изяславу, который владел Киевом, Новгородом и другими городами. Его соправителями были Святослав (правивший в Чернигове и Тмутаракани) и Всеволод (княживший в Ростове, Суздале и Переяславле).

В 1068 г. на Русь напали кочевники-половцы. Русские войска были разбиты на реке Альте. Изяслав и Всеволод бежали в Киев. Это ускорило антифеодальное восстание в Киеве, которое давно назревало. Восставшие разделились на две группы: одни пошли к тюрьме («погребу») с тем, чтобы освободить заключённых, другие двинулись к княжескому двору. Горожане собрали вече на торгу, в районе Подола, где жили ремесленники и купцы, и потребовали от князя оружия и коней для продолжения борьбы с половцами. Князь отказался выполнить это требование, боясь, что горожане выступят против своих господ — бояр.

Тогда массы городского населения двинулись в аристократическую часть города — на «гору», желая расправиться с княжеской администрацией. По-видимому, в городском движении приняли участие зависимые (вотчинные) ремесленники и холопы. Изяслав и Всеволод бежали из города. Восставшие разгромили княжеский двор, освободили из тюрьмы и возвели на княжение Всеслава Полоцкого, ранее (во время междукняжеской усобицы) заточённого своими братьями. Однако скоро он ушёл из Киева, а Изяслав через несколько месяцев с помощью польских войск, прибегнув к обману, снова занял город (1069 г.) и учинил кровавую расправу.

Городские восстания были связаны с движением крестьянства. Поскольку антифеодальные движения были направлены и против христианской церкви, во главе восставших крестьян и горожан иногда оказывались волхвы. В 70-х годах XI в. произошло крупное народное движение в Ростовской земле. Здесь во время голода крестьяне-общинники, княжеские данники (смерды) стали убивать «лучших» (богатых) людей и захватывать их «именье» (имущество). Человек триста крестьян во главе с двумя волхвами двинулись по Волге (от Ярославля) и Шексне к Белоозеру. Здесь они столкнулись с княжеской дружиной, собиравшей дань. Княжеский сборщик дани подверг волхвов пыткам, а затем они были повешены.

Народные движения происходили и в других местах Руси. В Новгороде, например, «все люди» (т. е. массы городского населения) во главе с волхвами выступили против знати, возглавленной князем и епископом. Князь Глеб при помощи военной силы расправился с восставшими.

По-видимому, после народных восстаний конца 60-х — начала 70-х годов XI в. сыновья Ярослава издали специальный законодательный сборник, который содержит ряд статей, охраняющих княжескую земельную собственность и защищающих администрацию княжеских имений. Этот сборник — так называемая «Правда Ярославичей» — составляет вторую часть «Краткой редакции» «Русской правды». Более поздняя редакция «Русской правды» — «Пространная» приписывает сыновьям Ярослава отмену кровной мести.

Восстание 1113 г. в Киеве. Княжение Владимира Мономаха

С конца XI в. в условиях углублявшихся классовых противоречий и постоянных феодальных усобиц князья в целях укрепления своего господства стали прибегать к созыву съездов, на которых решались наиболее важные государственные вопросы. На съезде в Любече в 1097 г. русскими князьями была признана новая политическая система, согласно которой каждая княжеская семья должна была наследственно владеть своим княжением. Развитие феодального способа производства неизбежно приводило к политическому раздроблению страны.

Классовые противоречия заметно усилились. Разорение от эксплуатации и княжеских усобиц усугублялось последствиями неурожаев и голода. Великий киевский князь Святополк (1093—1113) занимался ростовщичеством. Кроме того, он, по-видимому, скупал соль и продавал её по повышенным ценам. После смерти Святополка в Киеве произошло восстание городского населения и крестьян из окрестных деревень. Восставшие разгромили дома тысяцкого, сотских, ростовщиков и собирались расправиться с боярами и духовными феодалами. Напуганная знать и купечество пригласили княжить в Киев Владимира Всеволодовича Мономаха (1113—1125), князя Переяславского. Новый князь был вынужден для пресечения восстания пойти на некоторые уступки. На совещании знати, при участии трёх тысяцких, был выработан специальный «устав», посвящённый прежде всего вопросу о ростовщичестве и кабальных сделках. Была несколько снижена разрешённая законом норма процентов, взимаемых при ростовщических ссудах. Были выработаны постановления, касающиеся взаимоотношений закупов с их господами и др. Устав Владимира, Мономаха вошёл в состав «Пространной» редакции «Русской правды» XII — начала XIII в. В «Пространной» редакции «Правды» имеются новые статьи, трактующие о купле-продаже, займе, зкладе, наследовании, опеке.

Сложившаяся в обстановке острых классовых противоречий «Русская правда» «Пространной» редакции наряду с денежными штрафами за различные преступления против феодального права знает более суровое наказание: «поток и разграбление», т. е. конфискацию имущества обвиняемого и изгнание его с семьёй или обращение в рабство. Это наказание налагалось за убийство во время «разбоя», за конокрадство, поджог жилого дома и гумна.

Владимир Мономах проводил политику усиления великокняжеской власти. Владея, кроме Киева, Переяславлем, Суздалем, Ростовом, управляя Новгородом и частью Юго-Западной Руси, он одновременно старался подчинить себе и другие земли (Минскую, Волынскую и др.). Однако вопреки политике Мономаха продолжался процесс раздробления Руси, вызванный экономическими причинами. Ко второй четверти XII в. Русь окончательно раздробилась на множество княжеств.

Международное положение Киевской Руси

Древнерусское государство было одним из крупнейших европейских государств. Борьба Руси с набегами кочевников имела большое значение для безопасности стран как Передней Азии, так и Европы. Широкими были торговые связи Руси. Товары на Русь поступали из Регенсбурга (Германия), Праги (Чехия), Кракова (Польша), Любека (Германия), Сигтуны (Швеция), Византии и (через Закавказье и Среднюю Азию) из арабских стран. У русских купцов имелись дворы в Константинополе, на острове Готланд и в других торговых центрах.

Русь поддерживала политические, торговые и культурные отношения с Чехией, Польшей, Венгрией и Болгарией, имела дипломатические связи с Византией, Германией, Норвегией и Швецией, налаживала также связи с Францией и Англией. О международном значении Руси свидетельствуют династические браки, заключавшиеся русскими князьями. Одна дочь Ярослава Мудрого была замужем за французским королём Генрихом I, другая за норвежским королём Гаральдом Смелым, третья — за королём венгерским Андреем (Андрашем). Владимир Мономах по материнской линии был внуком византийского императора Константина X Мономаха. Сестра Владимира Мономаха Евпраксия-Адельгейда вышла замуж за германского императора Генриха IV, дочь Евфимия — за венгерского короля Коломана и т. д. Сам Мономах был женат на Гиде — дочери английского короля Гарольда.

Договоры с Византией хранят ценные свидетельства об общественных отношениях в Киевской Руси и международном её значении. Договоры закрепляют права Руси в политических и торговых отношениях с Византией.

Русь упоминается в сагах, слагавшихся в странах Скандинавского полуострова. О Руси писали арабские путешественники, византийские государственные деятели и историки. Французский эпос — «Песнь о Роланде» свидетельствует о том, что Русь и её богатства были хорошо известны во Франции. Упоминаются русы, а также Киевская земля в немецкой поэзии — в «Песне о Нибелунгах». Известны были русские купцы и их товары и в Англии.

Вопросы по теме:

1. расскажите о первом зафиксированном в истории славянском государственном объединении
2. перечислите славянские государственные объединения, образовавшиеся в 10 веке
3. расскажите об особенностях создания государственных объединений южных славян (обратите внимание на полиэтничный характер государственного объединения)
4. проанализируйте причины формирования западнославянских государственных объединений
5. расскажите историю создания и укрепления древнерусского государства

Тема 6. Духовная жизнь древних славян: славянское язычество

Древней религией славян, их мировосприятием было язычество. Оно охватывало всю сферу духовной культуры и значительную часть культуры материальной, вернее культуры производственной, охотничьей и собирательской, т.к. эта культура вся была проникнута убежденностью ее носителей в постоянном присутствии и участии сверхъестественной силы во всех трудовых процессах.

Славянское язычество не было обособлено от верований родственных и соседствующих со славянами народов, оно является самостоятельно развившимся в первое тысячелетие нашей эры фрагментом древней индоевропейской религии. Почти полное отсутствие свидетельств о славянской религии до 6 века и малое их число, относящееся к периоду от 6 в. по 11 в., вынуждает ученых восстанавливать древнейшую славянскую религию, используя современный материал (записи 19-20 вв.) и применяя сравнительно-исторический метод, подобный тому, который применяется в лингвистике. Сравнительно - исторический метод вкупе с ареально - типологическим и культурно - географическим (отчасти и лингвогеографическим) дают возможность выделить архаические явления из массы инновационных и с относительной долей вероятности представить их как праславянские, т.е. древнеязыческие. При этом, в отличие от христианства, представляющего собой достаточно цельную, устойчивую, структурно единообразную, закрытую систему догматов и религиозных символов, славянское язычество являлось неоднородной открытой системой, в которой новое уживалось со старым, постоянно дополняло его, образуя целый ряд напластований.

Действительно, если воспользоваться традиционной научной терминологией, можно сказать, что славянское язычество содержало в себе не только свойственные ранней стадии религиозного развития аниматические верования (т.е. убежденность, что все в природе живое - и камень, и огонь, и дерево, и молния, и т.п.), но и анимические (т.е. представления о душе), сочетающиеся, вероятно, с более поздними воззрениями о трансцендентности души (т.е. способности переходить в другую плоть) и о способности сверхъестественных персонажей к различным метаморфозам, превращениям то в козла, то в собаку, кота, кобру, в младенца и т.п. Сверхъестественные персонажи, после обращения славян в христианство получившие название нечистой силы, имели человеческий - антропоморфный, звериный - зооморфный или смешанный антропоморфно-зооморфный облик. Этой сверхъестественной силой, по убеждению древнего славянина - язычника, была населена вся вселенная, с нею приходилось иметь дело, и она была опасна, хотя и не всегда вела к плохому или трагическому исходу. Эту силу можно было умиловить и даже отпугнуть, что и совершалось согласно особым ритуалам и традициям.

Постепенно из этой среды сверхъестественного выделились языческие боги, о которых мы имеем достаточно смутное представление. Видимо, к 6 веку славяне имели не только нечто напоминающее пантеон богов или ряд местных "племенных" пантеонов, но и были близки к монотеизму, к верованию в верховного, еще не христианского, единого бога.

Это можно предполагать, опираясь на свидетельство византийского историка Прокопия Кесарийского, сообщающего в своем сочинении "Война с готами" о том, что славяне веровали в громовержца (К: Неточность. У Прокопия речь идет не о громовержце, а о "творце молний") как высшего из богов и приносили ему в жертву волов и быков. Тем не менее элементы единобожия, возможно даже локальные, не вытесняли и не вытеснили многобожия, пусть не ярко выраженного и сливающегося на другом полюсе с духами природы, домашнего очага, демонами болезней и повальных бедствий.

Христианство лишь частично уничтожило довольно свободную и в некоторых отношениях достаточно аморфную структуру язычества, поставило его в иные условия и

подчинило своей значительно более высокой иерархии ценностей. Бытовое христианство предоставило языческим мифологическим персонажам и представлениям, как уже говорилось, статус нечистой силы, отрицательного духовного начала, противостоящего силе “крестной”, чистой и преисполненной святости. В фольклорном представлении небо оказалось занятым силами небесными, праведными и божественными, а преисподняя, подземный мир, болота, ямы и овраги - силами нечистыми и темными. Земля - место борьбы двух миров и начал, а человек и его душа - средоточие этой борьбы. При этом воля Божья и промысл Божий господствуют над всем и определяют все. Такое народное христианское мировоззрение, типичное для славян обеих конфессий - православной и католической, нельзя считать двоеверием, поскольку оно цельно и представляет собой единую систему верований. Белорусская или польская крестьянка, почитающая св. Николая Угодника и в то же самое время производящая различные манипуляции, чтобы уберечься от ведьмы на Ивана Купалу или в другую пору, не поклоняется двум Богам - Богу и Мамоне, а имеет свое определенное отношение и к одному, и к другому миру. Эти отношения в ее представлении не противоречивы, они естественно дополняют друг друга.

Если же посмотреть на генезис, на происхождение народных воззрений о божественной силе и воззрений о силе нечистой, то первые восходят к христианству, а вторые - во многом к славянскому язычеству. Это давало основание еще в 19 в. говорить о распространенном у славян - в первую очередь, у русских - двоеверии. Притом понятие двоеверия употреблялось не столько применительно к историческому процессу и истокам народных религиозных верований, сколько к самому характеру этих, уже устоявшихся верований, к эпохе 19 в. и начала 20 в. Однако, если рассматривать этот вопрос с генетической точки зрения, с точки зрения истоков народной духовной культуры, придется признать, что таких истоков или источников было более двух - христианского и языческого.

Существовал еще третий источник, во многом принятый славянами совместно или почти одновременно с христианским. Это народная и городская культура, которая развивалась и в Византии, и отчасти на Западе. Так проникали в славянскую среду элементы поздней античности - эллинизма, мотивы ближневосточных апокрифов, восточного мистицизма и западной средневековой книжности, которые, вероятно, в славянской народной культуре и религии не функционировали и не воспринимались как определенная система, но которые придавали всей славянской культуре эпохи минувшего тысячелетия определенный облик, лицо, полноту и разносторонность ее внешних, формальных и внутренних - идеологических и смысловых - проявлений и сущностей.

С некоторой осторожностью или условностью к элементам обозначенной нами “третьей” культуры можно отнести юродство (впоследствии ставшее одним из церковных институтов), скоморошество (периодически то гонимое, то поддерживаемое властью имущими), городскую карнавальную, ярмарочную и лубочную культуру, дожившую до нашего века и имевшую свою автономную эволюцию и свои локальные пути развития. В качестве иллюстрации к сказанному можно привести известный пример ранней росписи киевского Софийского собора, где помимо церковных фресок, выполненных в классическом византийском стиле, на стенах лестницы, ведущей в несохранившийся княжеский детинец, изображены гудцы, скоморохи, потешники. Всему определено место.

Если бы все сводилось к “двоеверию”, т.е. к двум компонентам, к двум источникам славянской народной духовной культуры в конце 1-го и в начале 2-го тысячелетия нашей эры, культуры, которая имела последовательное и непрерывное развитие до наших дней, вопрос выявления элементов славянских дохристианских языческих древностей решался бы относительно просто. Все, что оставалось бы за вычетом христианских институтов, черт и особенностей, хорошо известных по многочисленным письменным свидетельствам, можно было бы отнести на счет дохристианского язычества, объяснить как его продолжение, развитие или реликты. Однако дело осложняется в значительной степени

наличием фрагментов “третьей” культуры, заимствований и собственно славянских инноваций общего и особенно локального происхождения.

Древние славянские представления о мироздании восходят к индоевропейским временам, и поэтому они отличаются большой архаичностью и в то же время некоторой расплывчатостью и неустойчивостью своих форм и проявлений. Земля славянам представлялась плоской, либо плавающей в воде, либо стоящей на четырех быках, от резких рывков которых происходили землетрясения. Считалось, что у земли есть свой край, хотя дойти до него нелегко, это мало кому удавалось, и оттуда не было возврата. Небо воспринималось как нечто напоминающее натянутую над землей бычью шкуру, медный ток (площадку для молотбы), большую крышку от посуды и т.п. На небе пребывали солнце, луна и звезды. Небес насчитывалось много - до семи (ср. выражение “быть на седьмом небе”). Эти небеса растворялись в исключительных случаях и в особые дни (ночи), а также во время большой грозы.

Солнце - источник жизни на земле и по сей день называется на Карпатах “лицом Божьим”, в других местах “оком Божьим”. В славянском фольклоре оно вместе с месяцем и отдельными планетами персонифицируется, наделяется эпитетами “красное”, “ясное”, “жаркое” и т.п. Каждые сутки солнце окунается в море или уходит за край земли (под землю), чтобы немного остыть и затем появиться вновь. В определенные дни оно “бракуется” с землей (“играет”); его годовому циклу подчинен год славянского земледельца. Порядок крестьянских работ зависит также от фаз второго светила, погасшего, именуемого в славянских народных песнях братом солнца (иногда - сестрой), - месяца (луны), “ясного”, “светлого” и т.п. Если с солнцем у славян специальные магические действия не связаны, то Месяц (луна) иногда оказывается объектом черной магии (ср. “похищение месяца” у болгар), персонажем многих заговоров (“от зубов” и т.п.), местом обитания покойников. Новолуние у славян отмечалось нередко разжиганием костров или печением особого пирога, девичьим гаданием о будущем, свадьбами, началом новых работ - сева, сажания деревьев, строительства дома и т.п.

Помимо антропоморфного восприятия солнца и луны, в славянской мифологии известны и их зооморфные облики. Солнце может представиться буйволом, волком, теленком, петухом, а месяц (луна) коровой, реке - козлом, бараном (ср. “рогатый”, облик молодого месяца).

Названия звездного неба отражают древние аграрные и в меньшей мере скотоводческие традиции славян. Так, Большая Медведица у болгар называется “кола” (телега) и состоит из “колес”, “волово” и “волка”, а Ралом называется созвездие Орион, состоящее также из двух “волово”, “рала”, “пахаря” и “волков”, собирающихся на них напасть. Плеяды у славян называются курицей, наседкой (квочка, кокошка) или стожарами, т.е. шестью, вокруг которых молотили жито.

Древние славяне, видимо, не знали солярной религии, т.е. не поклонялись солнцу, как некоторые древнеиранские племена, не принимали дневное светило в качестве главного божества. Они также не были огнепоклонниками, хотя почитание огня небесного (молнии) и огня земного (сакрального костра и домашнего очага) занимало важное место в их мировосприятии и религиозном поведении. Воплощением небесной силы, вызывающей преклонение и страх, являлись гром и молния - по сути дела одно явление с тремя проявлениями - ипостасями: грохотом, огненной вспышкой и ударом. В некоторых польских, украинских и белорусских диалектах, прежде всего в Полесье, эти ипостаси выражаются тремя словами: “гром, маланка (блискавка), перун”. В русском языке и в ряде других славянских языков грозная стихия выражается двумя словами: “гром и молния”. Перун в ряде славянских диалектов означает силу, удар, производимый громом и молнией. Удар этот, по народным представлениям, совершается каменным снарядом - окаменелостью, белемнитом, называемым громовой стрелой, перуновой стрелой и т.п.

В некоторых славянских зонах, прежде всего у сербов, хорошо сохранились индоевропейские представления о дождевых тучах как о небесных стадах крупного

рогатого скота, об облаках как молочных коровах и о дожде как небесном молоке, оплодотворяющем и кормящем землю. Это выражается в ряде обрядов и действий, среди которых выделяются сербские плачи для отгона градовых туч. Так, в Западной Сербии вопленица выходит во двор навстречу туче и кричит: “Остановись, бычок! Не пускай твоих белых говяд (коров). Наши черные, они ваших переселят. Побьют ваших говяд (коров и быков)”.

Из этого текста и других ему подобных ясно, что гроза с градом представляется как нападение небесного скота - туч на землю, которую может защитить земной (“черный”) скот. Но тот же небесный скот может наградить небесным молоком - дождем. В Сочельник хозяин-серб выходит во двор, приглашает Бога к себе на ужин, а потом на вопрос из дома “Как на дворе?” отвечает, что всюду безоблачно, ведро, только над нашим домом облачно (тучи): это означает, что в доме всегда будет много молока и молочных продуктов. К диалогу нередко добавляется разъяснение: “На дворе облачно, у меня будут сливки, как толстый ковер”. По общеславянским верованиям, пожар от молнии можно потушить только молоком или сывороткой, а никак не водой; в русских вологодских говорах белое градовое облако, идущее впереди черных туч, называется быком; Млечный Путь, согласно болгарской легенде, возник из лунного и звездного молока и т.п.

Мифологический символ или знак, а также эмблема (нарисованный знак) может быть наделен одновременно несколькими смыслами. Так, например, дождь - небесная влага в облике туч может быть не только молоком, но и семенем, оплодотворяющим землю. Такой смысл строится на противопоставлении “мужской - женский”, “оплодотворяющий - Оплодотворяемый, способный к зачатию и рождению”. Так, например, в польской и сербской загадках “высокий тятка” расшифровывается как “небо”, а “плоская мамка” как “земля” (в то время как зять - “ветер”, а девушка - “мгла”), что указывает на восприятие неба как мужского начала, а земли как начала женского. Аналогичные определения неба и земли известны в русских заговорах: небо - отец, а земля - мать.

Что касается формулы “мать-земля”, то она широко известна у славян, в особенности у русских (“мать - сыра земля”) и сербов и является не просто образным словосочетанием, а выражением сущности народных взглядов на землю, которая в русской традиции имеет еще эпитет “святая”. Отношение к земле как к женскому началу, рождающему и плодоносящему, характерно не только для индоевропейской традиции, но и для древней Евразии в целом. Восточные славяне, в первую очередь русские, сохранили культ матери-земли в его очень архаических проявлениях, к которым относятся запрещения бить землю палкой или чем-либо иным (кроме случаев ритуального битья, направленного на обеспечение плодородия), тревожить землю до Благовещения, пахать, вбивать в нее колья и т.п., плевать на землю (как и в огонь). Болгары в Западных Родопях считали, что если землю пахать до Благовещения, из нее будет сочиться кровь. Нарушение перечисленных запретов могло привести к засухе и другим бедам. Широко известно обращение к земле и использование ее при клятвах, когда землю брали в рот, ели ее, клали кусок дерна на голову: считалось, что земля праведна и не терпит неправды, она наказывает за клятвопреступление. Вера в святость, божественное начало и одухотворенность земли выступает в народном таинстве исповеди земле (получившем отражение в заключительной части романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”).

Белорусские представления о беременности земли до Благовещения и запреты обрабатывать землю до этого дня связаны с древнеславянским делением года на два периода - лето и зиму. Весна и осень считались лишь начальной порой лета и зимы, порой, предвещающей пробуждение земли, отмечающей это пробуждение, и порой, означающей засыпание земли, временное омертвление природы. Названия “лето” и “зима” одинаковы во всех славянских языках. Более того, лето в ряде славянских языков, в древнерусском и старославянском, означало “год”, а исчисление годов мы до сих пор называем

“летосчислением”. Но лето и зима, видимо, у древних славян также делились на две части; рубеж приходился на день или ряд дней, когда лето и зима были в разгаре, на их “преположение” (говоря языком церковного календаря). Таким образом, можно предположить, что в древнеславянском языческом аграрном календаре также были четыре точки, делящие год как бы на четыре части, но они не совпадали с современным европейским делением года на четыре сезона. Это древнее деление соответствовало или подчинялось периодам солнечного цикла, дням равноденствия и солнцеворота.

Уже упоминавшийся нами праздник Благовещения приходится на время весеннего равноденствия, а Воздвижение - осеннего равноденствия. Это - рубежи, когда земля “пробуждается ото сна” и “отходит ко сну”, к зимней спячке. Почти у всех славян эти дни связаны с культом змей. На Благовещение змеи “выходят” из земли, а на Воздвижение они уходят в землю, и потому, по русскому поверью, в этот день нельзя ходить в лес. Две другие праздничные даты - рубежи времени, зимой Рождество Христово и в середине лета Рождество св. Иоанна Предтечи, более известное как Иван Купала (24.VI. ст. ст., 7.VII. нов. ст.), почти совпадают с днями зимнего и летнего солнцеворота. Показательно, что на Ивана Купалу празднуется одна ночь - “купальская” ночь, а на Рождество - двенадцать дней от Сочельника до Крещения: от этих дней зависит судьба всего года. Эти дни у русских называются святками (святые вечера и страшные вечера), у южных славян (сербов, болгар, македонцев) - некрещеными или погаными днями. Они заполнены языческими ритуалами и действиями с ряжением, хождением по домам групп колядовщиков и ряженных, с обрядовыми бесчинствами, гаданиями и т.п., знаменующими начало нового аграрного года, поворот зимы на лето. Не менее ярко окрашены языческим духом обрядовые акты, совершаемые в “купальскую” ночь: возжигание огней у воды и прыганье через них, бросание венков в воду, купание, совершение бесчинств и общение с нечистой силой (против которой принимается ряд предохранительных мер).

Нельзя не обратить внимания на изоморфизм представлений, связанных с поведением мифологических персонажей в годовом и суточном временных циклах - своеобразных расписаниях действий этих персонажей. При этом дневному времени в сутках соответствует древнеславянское большое лето в году, ночи - большая зима, рассвету - весеннее равноденствие (Благовещение), вечерним сумеркам - осеннее равноденствие (Воздвижение), полудню - летний солнцеворот (день Ивана Купалы), а времени от полуночи до первых петухов - двенадцатидневье в пору зимнего солнцеворота (святки, некрещеные дни) (см. также Время). Пора восхода и захода солнца - время, наиболее подходящее для магических действий, заговоров, колдовства, обращения к высшей, чаще всего нечистой, силе.

При этом нередко местом для упомянутых действий избирается межа: межевому времени соответствует межевое место (или наоборот). Межевое время - пора активного присутствия нечистой силы, когда она особенно опасна, активна и вместе с тем наиболее открыта, обнаруживаема. Полдень - почти миг, мгновение, когда появляется разящая полудница или действуют иные бесы под другим названием. На святки, когда открывается преисподняя (а в самом конце святок, в ночь перед Богоявлением - на миг - и небеса), действуют разные бесы, но более всего сезонные, появляющиеся именно в это время: северновеликорусские шуликуны, южнославянские кара-конджолы и им подобные. На Крещение они исчезают, уходят в воду, и эту воду крестят (обряд Иордани), чтобы закрепить, “запечатать” их исчезновение. Так снова мирно сочетается христианство (православие) с язычеством, и первое символически торжествует над последним. Может быть, именно этот финал и позволяет сохранить все предшествующие языческие действия? В суточном цикле выделяется изоморфная святкам глухая пора ночи (по-полесски “глупйца”), когда особенно опасна нечистая сила, которая усмиряется и исчезает с первым пением петухов. Петухи здесь действуют не менее эффективно, чем богоявленская Иордань с ее богоугодными песнопениями. Итак, полдень соответствует дню Ивана Купалы, а глухая послеполуночная пора - святкам или “нечистым” дням.

Для славянских обрядов годового цикла характерен культ деревьев, прежде всего дуба, у восточных и отчасти западных славян - березы, в меньшей мере - явора (клена), липы, в конкретных случаях и вербы (на Вербное воскресенье, Юрьев день). У южных славян широко распространен обряд сжигания рождественского (обычно дубового) полена-бадняка на домашнем очаге. В славянском годовом цикле ему соответствует восточнославянский ритуал сжигания соломенной куклы в Купальскую ночь.

В одной из сербских зон (около города Лесковац) бадняк воспринимался как антропоидное существо: его пеленали в рубаху и, прежде чем клали на огонь, кормили и поили. Солома - обязательный атрибут не только купальского, но и рождественского обряда на соломе, покрытой грубым крестьянским покрывалом, происходит у южных славян ритуальная трапеза в Сочельник. Солома - частый компонент родинного и погребального обряда: жизнь начинается и кончается на соломе, что типично для индоевропейских и неиндоевропейских народов. В разжигании огней (костров), в сжигании и постилании соломы видят черты или следы почитания солнца как источника жизни, света и тепла. Для этого есть определенные основания: ср. "игру солнца", которая происходит у славян на Купалу ("солнце купается"), на Рождество, на Благовещение, на Воздвижение ("солнце сдвигается"), а также на Пасху и в дни, связанные с Пасхой, на Троицу и др.

Солнечной символикой насыщен и фольклор, связанный с перечисленными праздниками, но Сочельник, Пасха и Троица изобилуют также обрядами и символикой, посвященной культуре предков. Известны весенние масленичные костры, которые зажигаются, чтобы "греть покойников", приглашение умерших "родителей" к сакральной трапезе в Сочельник или под Новый год (Васильев день), обычай обметать могилы у русских на Троицу: ср. специальные поминальные дни, которые в Белоруссии имеют название деда. Культ предков сочетается не только с солнечной символикой, но и с символикой и культом плодородия, пронизывающим и насыщающим всю обрядовую сторону славянского аграрного календаря. По славянским языческим верованиям, покойники ("родители") активно влияют на судьбу землепашца, создавая благоприятные или неблагоприятные условия погоды. Притом "плохие", грешные, "заложные" (по терминологии Д.К. Зеленина) покойники - утопленники, самоубийцы, опойцы, неотпетые и не принятые Богом, а иногда и землей, могли предводительствовать градовыми тучами, подобно небесным быкам или пророку Илье.

Наконец, по славянским верованиям, особенно ярко выраженным у сербов, покойники на том свете занимаются нередко теми же делами, какими они занимались на этом свете, на земле. На "том свете" также может быть хороший или плохой урожай той или иной культуры, и об этом можно узнать тогда, когда на небе появится двойная радуга: одна, обращенная дугой к земле, а другая - дугой к небу. Цвета радуги, вернее толщина каждого цветового пояса, свидетельствуют о будущем изобилии или недороде хлеба (желтый цвет), вина (винограда) (красный цвет), и т.п. Поэтому у сербов и македонцев радуга нередко называется "вино-жито".

Судя по новым данным, собранным в Полесской экспедиции, главным образом по рассказам об "обмирании и посещении того света" и по некоторым старым записям, древние славяне не различали рая и ада (эти представления, видимо, пришли с принятием христианства), а верили в единый загробный мир, который мог находиться и далеко за морем, и на небесах, и в подземном царстве. По полесским верованиям, покойники в поминальные дни могут приходиться в родные хаты с кладбища, и некоторые видят, как они идут домой и затем возвращаются на погост, как белые тени. Разнообразие представлений о "том свете" могло быть довольно древней особенностью славянских верований, точно так же, как и разноликость мифологического восприятия небесного свода, планет, всей вселенной. Нельзя не учитывать и диалектности, локальности многих форм и явлений славянской народной языческой культуры, которая обнаруживается в наше время, но которая, безусловно, существовала и в праславянские времена.

Христианство, энергично потеснившее славянское язычество в сфере народной культуры и занявшее в ней доминирующие позиции, способствовало при этом и известной унификации, и внутренней систематизации языческих верований. Наиболее ярким примером систематизирующего воздействия церковной культуры на нецерковную языческую может служить соотношение и взаимодействие церковного и народного годового календаря.

Народный календарь внешне и формально всецело подчинен церковному календарю, циклическому празднованию господних и богородичных праздников, дней особо почитаемых святых (св. Николая, св. Георгия, св. Ильи, св. Дмитрия, св. Параскевы Пятницы, св. Варвары, св. Власия, св. Феодора Тирона и др.), памятных дней церковных событий, соблюдению постов. Но эта временная канва и определенная последовательность сакральных (священных) действий явилась во многом внешней регламентацией, не отменившей, а скорее наоборот - укрепившей, четче организовавшей и унифицировавшей параллельную с христианской (православной или католической) славянскую народную, по своей сути языческую, годовую обрядность.

Этнографическая наука демонстрирует множество фактов перехода не закрепленных хронологически окказиональных обрядов (совершаемых “по случаю”) в обряды календарные, годовые. Так, например, обряд прятания хозяина за пироги, призванный обеспечить урожай в грядущем году, исполняемый в рождественский Сочельник или на Рождество, был известен до недавнего времени у сербов в Косово и Метохии, в Герцеговине, Черногории, в Западной Болгарии и в восточном Полесье (село Кочиши), а исполняемый в канун Нового года (в “Щедрый вечер”) - на Черниговщине (Глуховский у.). Но в той же Герцеговине около города Требинье сербы обращались к этому обряду сразу после сбора урожая и молотбы и прятались не за пирог, а за кучу зерна, а в 12 веке, по сведениям хрониста Саксона Грамматика, балтийские славяне праздновали завершение летней страды испечением огромного медового пирога, за которым прятался жрец и спрашивал жителей острова Руюна (Рюгена), видят ли они его, на что получали ответ, что он все же немного виден за пирогом. Ритуальный диалог завершался пожеланиями, чтобы в будущем году хозяин совсем не был виден (за пирогом большого размера от большого урожая). Этот обряд дошел до нас в основном в качестве календарного, а не окказионального обряда, т.е. по случаю окончания сбора урожая. На иной стадии перехода к календарному обряду находится обряд вызывания дождя, который у большинства славян исполняется во время засухи, а у русских он оказался календарно закрепленным и совершался на Троицу после обедни во время молебна, когда было принято ронять слезинки на дерн или на пучок цветов. Называлось это малое действо “плакать на цветы” и упомянуто оно А. С. Пушкиным в “Евгении Онегине” и Есениным в стихах “Троицыно утро”.

Большинство календарных (и не только календарных) обрядов у славян - провоцирующего свойства, т.е. ставящих своей целью обеспечение обильного урожая, приплода скота, изобилия благ земных и т.п. Затем существует немало обрядов ограждающего, охранительного (апотропеического) свойства, защищающих от болезней, сглаза, козней нечистой силы и т.п. В этом их языческая сущность. Так, битье вербой мальчиков после обедни в Вербное воскресенье с приговором “Верба бйе, не я бью!”, известное у восточных славян (Полесье), воспринимается как забава или как добрый обычай, оживляющий весенний праздник в преддверии Пасхи. Церковный календарь закрепил за обрядом битья детей вербой воскресенье перед Страстной седмицей и тем самым во многом сохранил этот обряд, в котором приговор имеет вполне “языческую” концовку: “Будь здоров, как вода! Будь богатый, как земля, и расти, как верба!” Обряд, как и праздник, оказался подвижным (не приуроченным к определенной дате), но обряд битья скотины вербовой веткой в целях приплода скота закрепился за Юрьевым днем (23.IV. ст. ст.).

В годичном календарном цикле сосуществуют две системы духовного воззрения и мироощущения - христианская и языческая - одна, обращенная к небу, божественному началу, другая - к земле, к началу плотскому, к плодам земным, к их изобилию, зависящему, по древним представлениям, не только от человека и Бога, но и от сил сверхъестественных. Эти два мировосприятия и миропонимания сравнительно легко уживались в славянском народном календаре еще и потому, что христианство с его годовыми праздниками побуждало верующих ежегодно переживать в молитве жизнь и страсти Иисуса Христа, а язычество воплощало во многих своих обрядах цикличность природных явлений: возрождение, расцвет, увядание и временная смерть или “засыпание” природы. Присутствует в календарной обрядности и третий элемент, к которому можно отнести, к примеру, многие “театральные” действия: рождественский вертеп, отдельные маскарадные сцены, сюжеты, реквизит и персонажи, включенные в календарные обряды и обычаи. У южных православных славян наибольшее число ритуалов и обрядовых действий оказалось сконцентрировано на Рождестве, Юрьевом дне и примыкающих к ним дням, а меньшую притягательную силу имели Пасха, Троица, Благовещение, Иванов день, Ильин день, а у славян восточных большинство обрядов приходится на дни, связанные с Пасхой, Троицей, Рождеством, Иваном Купалой, Благовещением и в меньшей степени на Юрьев день, Ильин день и др. праздники.

Безусловно древнего языческого происхождения действия, связанные с т.н. магией первого дня. Такие действия совершаются на Новый год, но чаще на Рождество, когда имитируются сельскохозяйственные работы - пахота, сев, молотба и когда детям дают в руки какой-нибудь инструмент, предмет и материал, чтобы у них спорилась работа, например, девочке дают иглу, чтобы она начала хорошо шить. Однако подобные обряды совершались и в начале марта, что связано с древним календарем, когда год начинался с марта. К ним следует отнести болгарский обычай “мартеници”, когда 1 марта привязывают белые и красные шнурочки детям, девушкам и молодым людям на правую руку или шею, на шею молодым животным и на стволы фруктовых деревьев, чтобы обеспечить плодородие. Шнурочки-“мартенички” носили до появления первой ласточки или аиста. Именно обряды и гадания, связанные с появлением первых перелетных птиц, первым кваканьем лягушек и т.п., являются самыми древними. Они предвещали начало лета (в обоих древних смыслах этого слова, т. е. “года” и “лета”), и с ними первоначально была связана т.н. магия первого дня.

У древних славян был и сохранившийся до сих пор культ воды. Этот культ был тоже связан с т.н. магией первого дня, но он также был характерен для многих основных годовых праздников. У южных славян - болгар, сербов и македонцев - рождественское утро в селе часто начиналось с того, что хозяйка шла к колодцу за свежей водой, а вся “старая” вода в доме выливалась (то же самое происходило в доме после выноса покойника). Затем после небольшого ритуала у колодца и перед дверьми дома вода вносилась в дом - появлялась новая вода. Хозяйка должна была соблюдать полное молчание, неся воду в дом, поэтому такая вода называлась “водой молчания”, “молчальной водой”. Вода является основным символом и “стихией” (см. в ст. Вода) в обряде праздника Крещения (Богоявления), сохраняющим ряд языческих черт и представлений (уход нечистой силы под воду, гадания и т.п.), она является неотъемлемой частью южнославянского юрьевского обряда, важным компонентом которого оказывается очистительное купание, и восточнославянского купальского обряда, с тем же купанием, бросанием венков в воду и разжиганием костров у воды. День и ночь под Ивана Купалу называется на Русском Севере днем Аграфены Купальницы. Обливание водой молодежи происходит у западных славян нередко в пасхальные дни, а обливание у южных славян групп девушек, обряженных зеленью (“додоле”, “пеперуда”), практикуется во время засухи и имеет целью вызывание дождя. Обряды обливания связаны с культом воды небесной и земной и с ритуальным обеспечением плодородия. У древних славян было представление о непосредственной связи подземных и небесных вод (туч), поэтому

вызвать дождь можно было жертвоприношением маковых зерен, борща, которые опускали в колодец, и т.п. У славян сохранился культ источников и колодцев, многие из которых считаются целебными и священными.

С культом огня были связаны обрядовые костры, которые зажигались не только на Рождество и Ивана Купалу, но и на масленицу и Благовещение, а у восточных славян - в Великий четверг и иногда в Юрьев день и в Ильинскую пятницу. Древним славянским обрядом, сохранившимся почти до наших дней, было возжигание “живого огня” и его употребление как средства против эпизоотии - повальных болезней и мора скота. “Живой огонь” добывался трением сухого дерева (обычно липы, реже можжевельника) с особым ритуалом при полном молчании (ср. принесение “молчальной воды”) и с обязательным условием тушения во всем селении “старого” огня. Нередко общеславянский обряд “вытирания” “живого огня”, когда стадо рогатого скота прогонялось между двух огней, сочетался с прогоном того же стада через специально вырытый для этого случая земляной туннель или через “земляные ворота”. Таким образом, очистительное действие огня усиливалось очистительным действием земли. В единичных случаях (на Нижней Волге) скот прогоняли - “плавили” через проточную воду - реку, ручей, т.е. пользовались очистительной силой воды. Так земля, огонь и вода выполняют в ритуале защиты от падежа скота одинаковые функции. Но наряду с упомянутым ритуалом существует и другой - опаживание, который может заменить или подкрепить ритуал с добыванием “живого огня”. Чтобы защитить село или деревню от коровьей смерти - повальной скотской болезни - село “опаживали” вокруг, совершая при этом целый ряд дополнительных ритуальных действий. Оба обряда общеславянские с целым рядом вариантов и оба обряда окказиональные, т. к. исполняются в случае падежа скота, а “опаживание” может совершаться и при эпидемии (чумы, холеры и т.п.).

Среди полуокказиональных или полукалендарных обрядов, т.е. приуроченных не к определенному дню, а к определенной поре, следует назвать действие, знаменующее окончание жатвы и именуемое чаще всего “бородой” или “божьей бородой”. Известно оно почти всем славянам и заключается в том, что жнецы и жницы в конце жатвы оставляют на жнивье пучок колосьев, украшают его, нередко кладут рядом хлеб-соль, снадь, водку и поют дожиночные песни. В этом обряде также ярко выражен культ хлеба (еще не обмолоченного). Что касается специально испеченного сакрального хлеба-пирога, то он является неизменным атрибутом очень многих календарных и семейных праздников (рождественский пирог “чесница” у сербов, пасхальный “кулич”, или “пасха”, у восточных славян, свадебный “коровай” у восточных славян и т.п.). К этому же кругу явлений относятся и русские блины, обязательные на масленицу и на поминках.

Все это - остатки язычества или продолжение языческих традиций, хотя многие рассмотренные нами символы и сакральные элементы выполняют ключевые ритуальные функции и в христианстве. Так, хлеб “замещает” в литургии Тело Христово; вода освященная - основа таинства крещения; святая вода способна защищать от бесовских наваждений и поползновений; огонь - лампадный и свечной - бескровная жертва Богу; земля - материальная сущность человеческой плоти (“яко земля еси есть и в землю отыдеши”).

Таковы в самых общих чертах основные особенности древнего мировосприятия и религии, позволяющие (путем реконструкции) увидеть то целое, что составляло основу духовной культуры древних славян.

Вопросы по теме:

1. Расскажите, как именно реконструируется славянская языческая система.
2. Перечислите основные этапы славянского язычества и их основные характеристики.
3. Покажите, как отражается славянское язычество в православном календаре. Приведите другие примеры взаимодействия языческой и православной культуры.

Тема 7. Принятие христианства в славянских государствах

Важным этапом в истории новых славянских государств стало принятие христианства. Славяне вступили в "содружество" государств христианской Европы, открыли двери для контактов с богатыми традициями политической культуры иного мира. Бывшие "варварские" народы вошли в орбиту многовековой христианской цивилизации. Принимая христианство, славянские правители стремились к тому, чтобы их государства не оказались в зависимости от соседних могущественных христианских держав - Каролингской империи, Священной Римской империи, Византии. Не случайно во всех известных славянских памятниках подчеркивается принятие новой веры по собственному свободному выбору. Князья старались добиться особой самостоятельной церковной организации для своих владений.

Раньше всех приняли христианство Великая Моравия (30-е гг. IX в.) и Первое Болгарское царство (60-е гг. IX в.). Принятие новой религии было результатом свободного решения местной правящей верхушки. Обе эти страны были непосредственными соседями тех христианских государств, откуда они были крещены: Великая Моравия - Восточнофранкского королевства (выделившегося из Каролингской империи), а Болгария - Византии. Славянские страны принимали культурные традиции разных центров христианского мира, которые к IX веку уже существенно различались между собой. В условиях соперничества между Каролингами и Византийской империей случалось и так, что соседние славянские государства оказывались сторонниками разных ориентации. К концу IX века христианство приняли почти все славянские страны, граничащие с христианским миром. Они стали теми очагами, из которых христианство в X в. распространялось в другие славянские земли: из Великой Моравии оно пришло в Чехию и Польшу, из Болгарии на Русь были принесены основные христианские книги.

Вряд ли можно предположить, что решение о принятии крещения было продиктовано славянским правителям и их дружинникам глубоким знанием христианских духовных ценностей и убеждением в их несравненном превосходстве над язычеством. Известные факты более позднего времени о нежелании дружинников подчиняться нормам христианской морали говорят об обратном. На их решение принять крещение влияли другие причины. На славянских князей и их окружение производили впечатление сила и величие их христианских соседей, таких как империя Каролингов и Византийская империя. Их могущество говорило славянским правителям о могуществе христианского бога, более сильного, чем языческие боги. Дружинникам нравился роскошный образ жизни и высокое положение в обществе византийской и каролингской знати. Принятие христианства обеспечивало славянским князьям равноправные отношения с правителями крупнейших христианских держав. Важную роль играло и то обстоятельство, что при смене религии было легче утвердить новый общественный порядок. Вместе со старой верой должны были уйти в прошлое и старые общественные отношения, сторонников которых было много среди местной племенной знати.

Как бы то ни было, одним из главных результатов принятия христианства было открытие славянским народам пути к освоению культурного наследия христианского мира, вобравшего в себя достижения многовекового развития одной из древнейших мировых цивилизаций - средиземноморской. Конечно, при отличии культурных традиций и уровня развития славянских стран механический перенос этого наследия был невозможен. В ходе длительного взаимодействия местных славянских культур с христианской традицией шел сложный процесс отбора тех культурных ценностей, которые отвечали потребностям и возможностям славянского общества.

Главное место в этом наследии занимала литература, вобравшая в себя все богатство мировой культуры. Христианская церковь латинской традиции не допускала создания собственных славянских литератур. Языками богослужения, а, следовательно, и средневековой литературы и науки, могли быть только греческий и латинский. Иначе

обстояло дело в многонациональной Византийской империи, лояльно относившейся к созданию письменной культуры на языках народов, попавших в орбиту ее влияния. Она способствовала появлению у славян богослужения на родном языке, собственной письменности и литературы. Именно греческий ученый Константин Философ (в монашестве Кирилл) и его брат Мефодий заложили фундамент письменной культуры славян, достигшей со временем небывалого расцвета.

Изобретение новой письменности было подчинено решению величайшей культурной задачи: с ее помощью были записаны переведенные с греческого на язык славян тексты христианского богослужения, которые зафиксировали новый для Европы литературный язык, именованный в ту пору "славянским" ("словенским"), а в наше время - старославянским (или церковнославянским).

Помимо этого, изобретение славянской письменности преследовало практические цели. Ее возникновение способствовало усилению политической и культурной независимости самостоятельных славянских государств. Письменность на национальном языке стала сразу использоваться в делопроизводстве, которое являлось неременным атрибутом централизованного государства. Кроме того, она помогала преодолеть значительные политические трудности, возникшие у правящей верхушки в связи со сменой религии. Они затрагивали нормы отношений как внутри общества, так и между соседними государствами. Об этих проблемах дают представление вопросы послон болгарского князя Бориса римскому папе Николаю I, дошедшие до нас в составе знаменитых "Ответов папы Николая I на вопросы болгар".

Поскольку религия так или иначе освящала своим авторитетом многие нормы повседневной жизни общества, то ее смена влекла за собой отмену прямо и косвенно связанных с ней обычаев, которые заменялись новыми. Для многих старых норм, оставшихся в обществе, устанавливалась иная система наказаний, имевшая в жизни средневекового человека огромное значение. Трудности заключались в том, что нормы старой религии и права были хорошо известны правящей верхушке. Ведь она сама являлась носителем одновременно как светской, так и духовной власти в языческом обществе (князь был верховным жрецом). Нормы же новой религии ей были не известны, и с принятием христианства местная власть попадала в зависимость от чужестранцев - епископов и священников, которые были тесно связаны с пославшими их странами. Их деятельность вызывала серьезные сомнения у представителей болгарской власти, опасавшихся, что чужестранцы могут использовать свое влияние для подчинения Болгарии ее могущественным соседям.

Новым людям было доверено не только проведение нового богослужения, но и истолкование христианского вероучения, а также наложение наказаний за отступление от него. Они постоянно обращались к болгарским правителям с различными требованиями, которые основывались на неизвестных им христианских нормах. Положение усугублялось тем, что от имени нового христианского порядка выступали представители разных христианских Церквей, отличавшихся по крайней мере в вопросах обрядности от латинской церкви. Более того, встречались авантюристы, которые не только не имели священнического сана, но и вообще не были христианами. Для того, чтобы болгарские власти могли правильно урегулировать отношения с духовенством внутри страны, а так же определить положение Болгарии в христианском мире, новое вероучение должно было быть изложено на понятном им языке. Это являлось еще одним важным стимулом для создания славянской письменности.

В культурной истории средневековой Европы предприятие Константина и Мефодия было уникальным: уже на протяжении нескольких веков ничего подобного не создавалось. Изобретение новой азбуки и перевод христианских канонических книг на родной язык верующих, не имевший до этого собственной письменной традиции, были сделаны двумя братьями. Это - великий подвиг, по достоинству оцененный уже

современниками, почитавшими Константина и Мефодия как своих первоучителей, святых славянских апостолов.

Сам Константин Философ, доказывая правомерность и законность своего изобретения, ссылаясь на то, что христианскую литературу на родном языке имеют многие народы Европы и Ближнего Востока. Однако надо иметь в виду, что в одних случаях это были языки, которые обрели письменность задолго до возникновения христианства (древнееврейский, сирийский (арамейский), греческий, латинский), в других случаях имелись ввиду переводы христианской литературы на языки, получившие для этой цели письменность очень рано (коптский III в., готский IV в., армянский V в., грузинский V в.).

Вместе с тем, старославянский был практически последним литературным языком, создание которого сопровождалось изобретением специально для него предназначавшейся азбуки. (Исключение составляет азбука, созданная в XIV в. русским святым Стефаном Пермским для просвещения зырян, которая впоследствии потеряла свое значение.) Появляющиеся на рубеже средневековья и нового времени переводы Библии на языки разных европейских народов записывались уже существовавшей системой письма - латинской азбукой (а в Восточной Европе - славянской), которая при помощи комбинаций букв или введения дополнительных значков над буквами или под ними приспособлялась к передаче на письме особенностей местной речи.

Детищу славянских первоучителей предстояла долгая и сложная жизнь. К сожалению, переводов, сделанных ими, не сохранилось. Они были изменены и дополнены последующей традицией, которая сохранилась в древнейших из дошедших до нас рукописей. Созданный Константином и Мефодием язык с самого начала рассматривался ими как язык славянских переводов Библии. В дальнейшем он стал языком всей славянской средневековой науки и литературы. Лишь в XVIII-XIX вв. в светской литературе он уступает место новым литературным языкам, складывающимся на национальной основе.

Вопросы по теме:

1. Перечислите причины принятия христианства славянскими государствами.
2. Расскажите об особенностях принятия христианства в разных частях славянского мира.
3. Покажите взаимосвязь христианизации славян и славянского просвещения.
4. Роль старославянского языка в формировании литературных языков южных и западных славян.

Тема 8. Возникновение славянской письменности. Деятельность Константина и Мефодия.

Начало славянской письменности

Достоверные свидетельства о начальных этапах возникновения и распространения славянской письменности почти полностью отсутствуют. Поэтому представления о ее истории полны разнообразных предположений, гипотез и даже мифов. Один из самых загадочных вопросов - вопрос о существовании письменности до изобретения Константином азбуки. Несомненно, что в каком-то варианте она существовала. Но о том, какой она была, когда возникла, для чего применялась, можно лишь догадываться. Поэтому суждения о ней у исследователей в разное время были настолько несхожими, что приводили их иногда к абсолютно противоположным выводам.

В отечественной славистике до 40-х гг. XX в. и большей части зарубежных исследований более позднего времени существование докириллического письма у славян обычно отрицалось. В 40-х-50-х годах в советской науке для доказательства полноценности и независимости славян в своем развитии появилась противоположная теория о том, что письмо у них возникло самостоятельно в глубокой древности. Более того, выдвигалось даже предположение, что оно появилось без каких-либо влияний со стороны уже существующих письменных систем и повторило весь путь мирового развития письма: от первоначальных пиктограмм и примитивных условных знаков к логографии - специальным значкам, обозначающим целые понятия, от них - к слоговому или консонантно-звуковому письму (такому, где знаки обозначали слоги или одни согласные буквы), а уже затем на их основе возникла современная вокализованно-звуковая система письма, где все согласные и гласные звуки имеют свое особое обозначение.

Однако, исходя из общих закономерностей развития письма, также согласно особенностям славянского языка, такой путь развития невозможен. История не знает ни одного народа, письменность которого прошла бы все стадии развития письма. К тому же у славянской письменности было не много времени на это: как известно, потребности в письменности возникают на достаточно позднем этапе развития человечества, когда в обществе появляются развитые хозяйственные отношения и начатки государственных институтов, для функционирования которых она необходима. Разложение родоплеменного строя у славян началось в середине I тысячелетия н.э., а закончилось к концу этого же тысячелетия образованием ранних феодальных государств. За такой короткий срок их письменность не смогла бы пройти все этапы развития. Тем более, что многие формы письма не подходили к строю славянской речи: богатство грамматических форм славянского языка не соответствовало логографической системе, где знаки обозначали целые понятия; слоговое письмо было бы непригодно, поскольку славянский язык отличается многообразием слогового состава; консонантно-звуковое письмо также не могло правильно отразить славянскую речь, поскольку в ней не только согласные, но и гласные в равной мере участвуют в образовании корней слов, несущих основную смысловую нагрузку.

Существовали также теории о протокириллическом и протоглаголическом письме, а также об особых славянских знаках, не похожих на существующие ныне. Основные сведения о наличии докириллической письменности исследователи черпают из сочинения конца IX - начала X века болгарского писателя черноризцу Храбра "О письменах". Храбр сообщает, что: "Прежде убо словене не имеху книг, но чертами и резами чьтеху и гатааху (гадаху) погани суще". Когда же славяне крестились, продолжает Храбр то они "римсками и гречьскими письмены нуждаахуся (писати) словенску речь без устроения".

Свидетельство черноризца Храбра разъясняет назначение знаков языческой письменности: "чертами" они "чътеху" и "резами" "гатааху (гадаху)", т.е. черточки они употребляли для счета, а нарезки для гадания. Следы гадания "резами" (нарезания определенных знаков) уцелели в более позднее время: о них сохранились упоминания в былинах. Числовое значение некоторых знаков славянской письменности и использования их также для "гадания" которое являлось составным элементом языческой религии, нашли отражение в славянских языках. Например, русские слова "читать" "считать" и "чтить", "почитать" имеют один корень "чът".

Существует мнение, что эти "черты и резы" были письмом, которое способно было передавать все необходимые понятия и полностью удовлетворять потребности языческого общества. А указанный Храбром переход к греческим и латинским буквам произошел с появлением новых христианских понятий, которые никак не могли быть переданы средствами "черт и резов".

Однако, когда черноризец Храбр говорит о невозможности написания отдельных славянских слов, он приводит в пример не христианские термины, а слова, применявшиеся в обиходной речи: Поэтому вряд ли возможно объяснить переход на "неустроенное" греческое и латинское письмо особыми терминами новой религии. К тому же "черты и резы" не были фонетическим письмом, а являлись значками, передававшими отдельные понятия: не случайно черноризец Храбр противопоставляет их греческим и латинским буквам, "письменам". Это значит, что их возможности по сравнению с буквенным алфавитом были гораздо скромнее.

Более того, исследователи приходят к выводу, что это древнейшее славянское письмо было очень примитивным, включавшим небольшой, нестабильный и отличающийся у разных племен набор простейших значков. В сколько-нибудь развитую и упорядоченную логографическую систему, где был бы представлен большой набор знаков, обозначающих не только отдельные предметы* но и отвлеченные понятия и явления, это письмо превратиться не могло. Ведь никто из соседей славян логографические системы не применял, а для самостоятельного развития отдельных знаков в логографию требуются века.

Помимо этого, логография не соответствует сложному грамматическому строю славянского языка. Поэтому возможности "черт и резов" были очень ограничены, как было ограниченным и применение их в общественной жизни. Они представляли собой, видимо, простейшие счетные знаки в форме черточек и зарубок, родовые и личные знаки, знаки собственности календарные знаки и знаки для гадания.

Помимо свидетельства черноризца Храбра о существовании кирилловской письменности в нашем распоряжении есть свидетельства иностранных путешественников и писателей, а также археологические находки. Вот важнейшие письменные свидетельства:

1) Сообщение арабского путешественника ибн-Фодлана, который во время пребывания у волжских болгар в 921 году видел обряд погребения одного руса. "Сначала они развели костер и сожгли на нем тело, а затем они построили нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку тополя, написали на ней имя этого мужа и имя царя русов и удалились".

2) Сообщение арабского писателя эль-Массуди (умер в 956 г.), который в сочинении "Золотые луга" утверждает, что он обнаружил в одном из "русских храмов" пророчество, начертанное на камне.

3) Сообщение епископа Мерзебургского Титмара (976-1018 гг.), который указывает, что в языческом храме города Ретры на славянских идолах были начертаны особыми знаками их имена.

4) Сообщение арабского ученого ибн-эль-Недима, который в труде "Книга росписи наукам" передает относящийся к 987 г. рассказ одного из кавказских князей к князю русов. "Мне рассказывал один, на правдивость которого я полагаюсь, что один из царей

горы Кабк послал его к царю русов; он утверждал, что они имеют письмена, вырезываемые на дереве. Он же показал кусок белого дерева, на котором были изображены, не зная, были ли они слова или отдельные буквы". Ибн-эль-Недим даже зарисовал эту надпись. Дешифровать ее не удалось; графически она не похожа ни на греческое, ни на латинское, ни на глаголическое, ни на кириллическое письмо.

Имена умершего князя (сообщение 1) и славянских идолов (сообщение 3) представляли собой, вероятно, условные личные знаки, которые часто использовались, например, на монетах, пломбах и печатях древнерусских князей. Пророчество же в языческом русском храме (сообщение 2) могло быть выполнено "чертами и резами" для "гадания". Надпись ибн-эль-Недима не дешифрована, однако нет ничего невероятного в том, что это также "черты и резы" в интерпретации арабского автора.

Причины создания славянской письменности

Ученые спорят, чем руководствовалось византийское правительство, давшее задание Константину и Мефодию создать славянскую письменность. По мнению одних, речь идет, прежде всего, о создании благоприятных условий для крещения славян, живущих на территории Империи. Другие видят в этом попытку христианизации соседних славянских стран, поскольку на своей территории Византия могла проводить политику лишь насильственной эллинизации славян. Третьи - полагают, что византийские правящие круги вообще могли не иметь отношения к миссии Константина, который по собственной инициативе вел проповедь среди славян и одобрение своих действий получил позже от римского папы. В этом случае в качестве доказательства истинности своего дела Константин принес в Рим обретенные им мощи св. Климента, которые освятили в глазах папы его миссию.

Однако мы знаем, что обретение мощей св. Климента - было не частным делом Константина или Херсонесской церкви, а важным официальным мероприятием Константинополя, в котором принимали участие архиереи и хор главного собора Византии - патриаршей Великой Софии. Поэтому византийские власти не могли не знать о славянской миссии Константина и не участвовать в ее организации. Что же касается конкретных планов Константинополя, то, к сожалению, мы не располагаем какими-либо источниками, способными пролить свет на этот вопрос.

Несомненно лишь то, что византийское правительство стремилось контролировать оказавшиеся в пределах Империи ранее свободные славянские племена. В то время славянские племена на территории Империи еще пользовались широкой автономией, управление ими находилось в руках архонтов из среды местного населения, которых постепенно и очень осторожно пытались заменить византийскими чиновниками (одним из которых был до своего пострижения в монастырь Мефодий). Вместе с тем, болгарская угроза, которая ограничивала свободу действий византийских властей, заставляла их искать новые пути для усиления связи славянских окраин с Империей. Этой цели можно было достичь благодаря христианизации славян и созданию на их землях церковной организации, подчиненной Константинополю. Греческие проповедники, действующие до Константина на славянских землях вместе с немецкими и итальянскими (они упоминаются в Житии Мефодия), а также многочисленные епископства, появившиеся на славянских землях уже к 870 году, свидетельствуют о том, что византийское правительство такой возможностью не пренебрегало и славянские земли стали объектом миссионерской деятельности византийского духовенства задолго до этого. В этих условиях византийские правящие круги были заинтересованы в создании славянской письменности, которое могло сделать миссионерскую деятельность Византии более успешной.

Помимо этого, упоминание в Житии Константина о попытках византийских императоров до Михаила III найти славянские буквы ("Дед мой и отец мой, и иные многие

искали их и не обрели") может свидетельствовать о том, что мысль о создании славянской азбуки появилась значительно раньше. В пользу достоверности этого сообщения говорит, прежде всего, неоднократно отмечавшийся филологами высокий уровень первых переводов Константина и Мефодия. За те несколько месяцев, которые отводятся в Житии Константина на подготовку к моравской миссии было невозможно создать принципиально новую систему знаков, какой была глаголица, точно отражающую фонетические особенности славянского языка, и осуществить перевод священных текстов, требовавших высочайшую степень точности передачи как смысла, так и внешней формы (синтаксиса, грамматики и т.д.). Она повлекла создание большого количества понятий и слов, отсутствовавших до этого в славянском языке. Фактически, был создан новый литературный язык. Как бы ни была велика личная одаренность братьев, такой высокий результат не мог быть достигнут, если бы ему не предшествовали другие попытки создания литературных текстов на славянском языке. Эти опыты были неудачными, однако они могли лечь в основу языкотворческой Деятельности Константина.

Сообщение о попытках создать письмо для славян начиная со времени правления деда Михаила III - Михаила II, вполне правдоподобно. В начале IX века, когда окончилась болгаро-византийская война и было подавлено восстание Фомы Славянина, впервые должен был встать вопрос о подчинении византийскому влиянию славянских земель, входящих в состав Империи. В то время еще не сложилось достаточно благоприятных условий для отправки миссий к славянам за пределы Византии, поскольку многие из них были не только язычниками, но и целенаправленно преследовали христиан. Поэтому первоначальные попытки создания славянской письменности можно было бы связать с внутренними потребностями Империи. Упоминание же о нескольких таких опытах в разное время может свидетельствовать не только о трудностях возникших в связи с миссионерской деятельностью среди славян, но и об ее насущности.

Однако не следует преувеличивать заинтересованность византийских правящих кругов в успехе миссии Константина. Распространение своего влияния на славян при помощи введения на их землях славянского письма и славянского богослужения по византийскому образцу было лишь одним из возможных способов превращения их в верных подданных Империи. И, быть может, не самым лучшим. Введение на славянских землях особой письменности помимо ускорения христианизации этих земель могло способствовать сохранению их обособленности и даже независимости. Такая акция была бы более уместной на землях, не принадлежащих Византии, в которых ей предстояло соперничать с миссионерами других стран. Таким образом, решение о создании славянской письменности было одобрено и санкционировано византийскими правящими кругами прежде, чем Ростислав сформулировал свою просьбу. Быстрое и успешное выполнение этой миссии было личной заслугой Константина, отнесшегося к ней с нескрываемой заинтересованностью.

Выбор императором Константина Философа не был случаен. "Философ, знаю, что ты утомлен, но подобает тебе туда идти, ибо дела этого никто совершить не может, только ты", - говорит Михаил

Трактат монаха Храбра «О письменах»

Сочинение Храбра - уникальный текст, посвященный аргументированному исследованию азбуки Константина Философа. Он представляет собой не литературное произведение, а историко-филологическое описание системы письма, не связанное с догматикой христианской церкви, уникальное своим светским характером содержания. Храбр защищал недавно созданную глаголическую азбуку. Причем он спорил не с представителями византийской церкви, которая могла бы настаивать на употреблении только греческого языка в качестве языка богослужения и письменности, а с образованными представителями болгарской знати и болгарского духовенства. Они не

были против использования славянского языка в качестве официального, но возражали против нового способа записи славянских слов, который принесли в Болгарию ученики Константина и Мефодия.

Как писал сам Храбр, после принятия крещения у болгар сложилась традиция использовать греческие буквы для записи славянских слов. Вероятно, особые звуки присущие славянскому языку передавались при помощи не соответствующих для этого греческих букв, или посредством их сочетания. Необычность нового славянского глаголического письма, вызвали серьезные возражения.

Ситуация в Болгарии отличалась от обстоятельств, при которых славянская азбука вводилась в Великой Моравии. Поэтому разносторонняя аргументация Константина Философа о равенстве народов перед Богом и праве каждого из них иметь тексты Священного Писания и богослужения на своем языке оказывалась ненужной. Для болгарской знати необходимы были иные доводы защиту глаголицы. Ведь преимущество греческого письма заключалось в его древности и освященности многовековой традицией и именами святых Отцов, а славянские буквы были нововведением. Доказательствам правомерности возникновения и существования особого славянского письма и было посвящено сочинение Храбра.

Большая часть его сочинения была посвящена аргументации того, что все системы письма, в том числе и греческая, возникли и формировались постепенно, используя весь предшествующий им опыт. Создание же славянской азбуки - это заключительный этап в длительном общемировом процессе. "Но перед этим не было у греков (особых) письмен [для своего языка], но записывали свою речь финикийскими письменами. И так было много лет. Потом же пришел Паламед и, начиная с "альфы" и "беты", нашел для греков лишь шестнадцать букв. Кадам из Милета прибавил к ним еще три буквы. И так в течение многих лет писали девятнадцатью буквами. И потом Симонид нашел и добавил две буквы, а Эпихарм толкователь нашел (еще) три буквы, и собралось их 24. Через много лет Дионисий Грамматик нашел шесть дwoегласных, а потом другой - пять, а иной (еще) три цифры... А для славян один святой Константин, (в постижении) названный Кириллом, и письмена создал, и книги перевел за немногие годы: а они - многие за много лет: семь их создало письмена, а семьдесят - перевод".

При этом Храбр подчеркивал, что Константин старательно использовал весь предшествующий опыт, и даже начал свою азбуку с той же буквы, что и более древние греческий и еврейский алфавиты. "С первой (буквы) начал, как в греческой (азбуке): они ведь (начинают) с "альфы", а он с "аз". И как те создали (азбуку), подражая еврейским письменам, так и он - греческим".

Значительное внимание Храбр уделил доказательствам преимущества славянского письма перед греческим, среди которых основным было наличие специальных букв для специфических славянских звуков. Однако, не только лингвистические преимущества отличают, по мнению Храбра, славянскую азбуку. "И потому (еще) славянские письмена более святы и [более достойны почитания], ибо создал их святой муж, а греческие - язычники эллины".

Содержание трактата ясно показывает, что он был написан после прихода учеников Мефодия в Болгарию в 886 г. Скорее всего, он возник в связи с так называемым "предложением", то есть переводом, книг, осуществленным в Болгарии в конце 90-х гг. IX в- Ко времени этого важного события споры о славянских "письменах", вероятно, закончились определенным компромиссом. Болжорские оппоненты Храбра по-прежнему придерживались мысли использовать для записи славянской речи греческий алфавит, однако, под влиянием его аргументов проделали значительную работу по приспособлению этой азбуки к особенностям славянского языка. Греческий алфавит был дополнен необходимыми глаголическими буквами, при этом был введен ряд новых знаков для передачи звуков, присущих именно болгарским говорам, а буквы, отражающие особенности западнославянских говоров Паннонии и Моравии, были опущены.

Ряд исследователей предполагает, что реформа в Восточной Болгарии не ограничилась введением в употребление новой азбуки, созданной на основе греческого письма, но и затронула изменение норм самого книжно-литературного языка. Происходило не только "техническое" оформление кириллицы на основе греческого языка, но и приспособление созданного Константином славянского письма к культурным условиям Восточной Болгарии конца IX в.

Соотношение двух систем славянского письма не оставляет сомнений в том, что кириллица как специальная славянская азбука могла сложиться только при активном участии книжников, имевших ко времени ее создания опыт практического пользования глаголицей. Участием в ее создании книжников глаголической школы объясняется и то обстоятельство, что глаголица имела равноправное положение с вновь созданной кириллической азбукой. Оба алфавита употреблялись в Болгарии по крайней мере до конца XI в.

Таким образом, на протяжении почти двух столетий, представляя разные книжные школы, глаголица и кириллица находились в постоянном взаимодействии. Некоторыми исследователями высказывается также предположение, что после собора 893 г. богослужебные книги продолжали переписываться глаголицей, а кириллический алфавит употреблялся, прежде всего, для мирских потребностей, в княжеской канцелярии, где до этого долгое время использовался греческий язык.

Сложившийся таким образом кириллический алфавит со временем вытеснил глаголицу в восточных областях Первого Болгарского царства и оттуда был перенесен на Русь, где эта система письма полностью возобладала. После окончательного утверждения в этих областях нового алфавита, который со временем стал единственным, на него было перенесено название "кириллица" - письмо, созданное Константином-Кириллом, которое первоначально применялось к глаголице.

На тех же территориях, которые остались в подчинении римского папы и где распространилась глаголическая азбука, ее первоначальное название не могло сохраниться. Хорватское духовенство, стремившееся добиться от римской курии согласия на употребление глаголического письма, приписало его изобретение раннехристианскому писателю IV в. Иерониму. Он прославился тем, что сделал перевод Библии с еврейского языка на латинский, который впоследствии был признан единственным правильным переводом и употреблялся в богослужениях католической Церкви. Его непререкаемый авторитет мог освятить использование глаголического алфавита. Поэтому в этих условиях творение Константина Философа получило нейтральное название "глаголица".

Идеи о существовании письменности у восточных славян до изобретения азбуки Константином Философом

В научной и популярной литературе иногда встречаются утверждения о существовании развитой христианской письменности у восточных славян до изобретения азбуки Константином Философом. Они основываются на сообщении Жития Константина о том, что во время его пребывания в Херсонесе и изучения им еврейского и самаритянского языков он обнаружил "евангелие и псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога".

Это загадочное сообщение вызвало в свое время большую полемику. Высказывалось несколько предположений о том, что имел в виду автор под "русскими письменами". С точки зрения одних Исследователей, это - письмена древних "русов" (восточных славян), которые затем послужили основой азбуки, изобретенной Константином Философом. Другие исследователи предполагают, что под русами здесь

подразумевают готов, с которыми якобы русов могли путать в Византии. (Однако ниже в этом же тексте готы фигурируют под своим именем "готфи", что свидетельствует о том, что автор различал эти два народа.) С точки зрения еще одних ученых, здесь имеются в виду "сурские", то есть сирийские письма. Существовали и другие интерпретации этого сообщения, доходившие до утверждения о неподлинности этого места и более поздней вставке его в текст Жития.

Наиболее удачное объяснение, не требующее изменений текста, могла бы дать гипотеза о знакомстве Константина с письмом древних "русов" - жителей Поднепровья IX в., но, как мы показали, каких-либо следов его существования нет.

Не упоминается о нем в других письменных источниках. Согласно Житию Константина, византийский император Михаил III, поручая ему изобретение славянской азбуки, говорит о том, что у славян нет букв для записи своей речи. Оттуда же мы узнаем, что основным обвинением в адрес Константина на соборе латинского духовенства в Венеции было изобретение им букв, которых не знали раньше. В Итальянской легенде, принадлежащей к латинской традиции, также говорится об изобретении Константином новой азбуки. Существует специальное сочинение славянского писателя черноризца Храбра, посвященное обоснованию правомерности существования новой азбуки, изобретенной Константином. В Житии Наума, ученика Мефодия, говорится о переводе Солунскими братьями Библии "от еллинского языка на простой язык болгарский". В Житии другого ученика Константина и Мефодия - Климента Охридского, написанного греческим писателем и Охридским епископом Феофилактом, сообщается, что Климент научился Писанию, "преложенному к болгарскому языку" Солунскими братьями.

Большинство исследователей в настоящее время разделяет мнение о том, что в данном месте Жития речь идет о "сурских" - сирийских текстах. Они исходят из следующих соображений. Во-первых, в кратком проложном Житии Константина, возникшем на базе первоначального текста Жития, встречается сообщение о знании Константином, кроме славянского, еще четырех языков: греческого, латинского, еврейского и "сурского". Предполагается, что первоначальное чтение сохранилось в кратком Житии, а в пространном Житии это место испорчено или сознательно изменено, или вставлено позже.

Исправление текста, с точки зрения палеографии, вполне возможно. Ведь звук [у] в старославянском языке, как и в греческом, передавался первоначально при помощи диграфа, т.е. комбинации из двух букв "он" **ο** и "ижицы" **υ** - **ου**. Со временем книжники стали отказываться от диграфа и переходить к написанию этого звука через "ижицу", иногда меняя слегка ее форму. Помимо этого, "ижица" сама по себе обозначала звук [и]. Поэтому в слове "сурский" ("сирский") первый слог можно было прочесть по-разному, что могло послужить поводом для книжника переставить две первые согласные, не меняя гласного, и получить вариант "русский" (роуский - "русский").

Помимо этого, интересующий нас раздел пространного Жития Константина имеет свою определенную логику. Он посвящен изучению Константином восточных семитских языков. Сначала Константин осваивает еврейский язык, затем самаритянский, и, наконец, сирийский. Ряд исследователей подвергает сомнению это сообщение, задаваясь вопросом, почему он не выучил этот язык в Константинополе, где у него было намного больше возможностей. Однако, такой же вопрос можно было бы задать и в отношении самаритянского и еврейского языков. Возможно, в данном случае мы имеем дело с не очень удачной попыткой автора Жития связать все, что ему известно об изучении Константином семитских языков, с его поездкой в Хазарию на диспут с иудеями. О бесспорном знании Константином сирийского языка свидетельствует фрагмент его предисловия к сделанному им переводу Евангелия, в котором он оправдывается в том, что прибегал в своей работе к переводам Библии на сирийский язык, выполненным еретиками несторианами.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что Константину при беседе с человеком, владеющим "русскими письменами", понадобились некоторые усилия, чтобы понять "смысл этой речи". Когда же он стал говорить на нем, "многие удивлялись ему, хваля Бога", т.е. реагировали так же, как и в предыдущем случае быстрого освоения Константином самаритянского языка, воспринимая это как очередное чудо, явленное христианским Богом. Если бы это был действительно язык восточного славянина, у Константина не было бы проблем в его понимании, т.к. языки южных и восточных славян отличались в то время не более, чем диалекты. И беседа Константина на этом языке никого не смогла бы удивить. К тому же, "для правильного чтения "русских" письмен ему необходимо было научиться различать "гласные и согласные". Внимание именно к этой стороне обучения Константина можно объяснить тем, что в сирийском письме, которое здесь имеется в виду, как и в других семитских алфавитах, гласные звуки не имели специальных букв, а обозначались особыми значками то над, то под согласными.

Идеи самобытности русской письменности

На основании сообщения об ознакомлении Константина в Херсонесе с «русскими» письменами уже в раннем средневековье стали развиваться идеи о самобытности русской письменности. (Не исключено также, что именно эта идея повлекла за собой сознательное, а не механическое, как можно было бы предположить, изменение соответствующего места в Житии Константина.) "Сказание о русской грамоте", созданное не позднее XIV в., так повествует об этом: "Яко руский язык [народ] ниоткуда же прия веры сея с(вя)тыя, и грамота руская ни кем же явлена, но токмо самим Богом вседержителем: Отцом и Сыном и Святым Духом ... А грамота руская явилась Богом дана в Корсуни русину, от нее же научися философ Костянтин: и оттуда сложив и написав книги руским языком... Послан бысть философ Констянтин в Мораву моравьскому князю, просившу философа. И тамо шед, научи мораву и ляхы, и чехы, и прочая языки и веру утвердив в них правоверную и книги написав русским языком". Несколько позже было прибавлено "Кр(е)стися руский великий кн(я)зь Владимир во граде Корсуне, идеже книги обретошася руским языком писаны, ту и крещение".

Таким образом, грамота и вера на Руси признается автором не заимствованной, а открытой Богом благочестивому русину, живущему в Корсуне, у которого Константин Философ и научился "письменам", а затем распространил их среди других славянских племен. Владимир от греков также принял только крещение и "наряд" церковный, русская же вера была открыта ему самим Богом. Подобная идея могла быть популярна на Руси в разное время; точных датировок текст не содержит. На рубеже XIX-XX вв. она была подхвачена и развита академиком В.И.Ламанским, и с тех пор периодически с некоторыми изменениями появляется в научной и популярной литературе.

В.И.Ламанский развивал концепцию, согласно которой "первое крещение Руси" состоялось после похода русских на Константинополь в 860 г. Его осуществил Константин Философ во время своей "хазарской миссии" и основал для новокрещенных русских епископскую кафедру. Полагая, что Русь в IX веке была Хазарской провинцией, Ламанский утверждал, что Константин взял с собой в Хазарию приготовленные им славянские книги, которые затем были оставлены в Киеве. Единственным доказательством подобной концепции, противоречащей данным всех источников по истории славян, было известное послание патриарха Фотия 867 года. В нем сообщается, что "так называемые русы, поработив окрестные народы и чрезмерно возгордившись, подняли руки на Римскую державу, но теперь они приняли чистую и непорочную веру христианскую, так что получили епископа".

При этом, разумеется, не анализируется этническое содержание термина "русy", который даже столетие спустя, в X в., не означал восточноевропейских славян. Принятое в Византии наименование, переводимое обычно как "Русь", "русy" впервые встречается в

сирийском источнике конца VI в. Тогда оно, конечно же, не могло относиться к восточным славянам. Известно оно и по арабским сочинениям, в которых под ним подразумеваются, видимо, аланы. В то время подобное название (также, например, как и термин "болгары"), относилось прежде всего к традиционному названию территории, население которой могло быть этнически неоднородным и в течение времени меняться. В Византии термин "Русь" в IX-X вв. обозначал не восточных славян, а выходцев из Северного Причерноморья, которые могли говорить на разных языках. Поэтому даже полное доверие к сообщению Фотия о "командировании" в во второй половине IX в. епископа еще не означает, что организация каких-то христианских приходов в Северном Причерноморье была связана с ведением там хотя бы проповеди на славянском языке.

Вместе с тем, даже в рассказе о крещении Владимира конца X в. греческие авторы именуют восточных славян не "русами", а "скифами" или "тавроскифами", что также связано с местом их обитания. Это было известно и первому русскому летописцу Нестору. В рассказе о расселении славянских племен в Восточной Европе он добавляет: "да те звались от грек Великая Скифь".

Идея крещения Руси и получения ею письменности в IX веке оказалась достаточно популярной в советской историографии 50-60-х гг., в которой утверждалась идея полной самобытности культуры восточных славян. Она основывалась, скорее, на патриотическом пафосе, нежели на данных исторических источников. "Даже самая возможность мысли о заимствовании письменности откуда-то извне, хотя бы из родственной славянской страны, представляется ... "противоестественной", если принять во внимание такой бесспорный факт, как весьма высокий в самый ранний период уровень русской культуры... и ее независимый характер", - писал один из характерных представителей этого направления. Основанная же на сообщениях реальных исторических источников концепция об изобретении славянской письменности Константином Философом воспринималась как "неверие в творческие силы русского народа", который, по мнению некоторых авторов, еще будучи языческим создал глаголическое письмо на базе упоминаемых черноризцем Храбром "черт и резов".

Замечание о "неверии в творческие силы" еще не появившегося на этнической карте народа (ибо древнерусская народность начинает формироваться после 882 г. в составе складывающегося вокруг Киева Древнерусского государства) свидетельствует об ориентации авторов подобных теорий на непрофессионального читателя, который не должен заметить неточностей и "небрежностей" в обращении с историческими фактами.

Дело не только в том, что наименование "русский" в IX в. относилось не к восточным славянам, а к части населения Северного Причерноморья. В данном случае игнорируется то принципиальное обстоятельство, что речь в Житии Константина идет не о каких-нибудь хозяйственных записях, которые могли быть у язычников, а об основных книгах христианского богослужения переписанных до 860 г. Таким образом, предполагается существование у славян христианской письменности и богослужения задолго до складывания у них надплеменного государственного объединения, нуждавшегося в монотеистической религии. Известно, что небольшая часть славян могла принимать в это время христианство в частном порядке. Однако, вряд ли можно предполагать, что местные славяне, получившие церковную организацию только в 988 г., более чем за столетие до этого события, в 860 г., имели не просто письменность, а важнейшие христианские тексты.

История обращения в христианство "варварских" народов Европы не знает случая, когда у только что крещеного народа возникала письменность на своем языке. В церквях Паннонии и Моравии в течение первых десятилетий служба велась на латинском языке, а после крещения Болгарии на протяжении почти 30 лет языком местной церкви оставался греческий язык. Большинство же стран Европы, таких как Франция, Германия, Италия и др., своей письменности с принятием христианства вовсе не получили. Языком богослужения, литературы и науки стал латинский язык.

Именно поэтому изобретение Солунских братьев являлось уникальным для средневековой Европы, а интерес к нему со стороны славянских князей определялся не вспышкой "национального самосознания", а соображениями исключительно политическими: славянские тексты Священного Писания были нужны им в борьбе за автономную церковь, которая бы поддерживала их политику, а не противостояла ей. Поэтому литература на церковнославянском языке к середине X в. получила достаточно широкое распространение у южных и западных славян, и когда в ней появилась потребность на Руси, она уже была представлена кириллическими и глаголическими рукописями.

Происхождение кириллицы и глаголицы

Нет ни одного исторического свидетельства о существовании двух славянских азбук. В Житии Константина Философа сказано лишь об изобретении им "славянских письмен". Болгарский писатель X века черноризец Храбр в своем "Сказании о письменах" защищает эти письмена и говорит, между прочим, о том, что они подвергались и подвергаются исправлениям, но ни слова не говорит о существовании двух различных азбук. Некоторые сведения, приводимые Храбром, например о 38 знаках славянской азбуки, относятся, скорее, к глаголице, чем к кириллице.

В середине XIX века словацкий ученый Шафарик выдвинул гипотезу, согласно которой глаголица изобретена Константином раньше, чем кириллица, появившаяся полувеком позднее, в школе царя Симеона. Дополненная наблюдениями славистов XX века, эта гипотеза является основной теорией, объясняющей возникновение славянских азбук. Она основана на следующих аргументах.

1) В западных областях, где проповедовали Константин и Мефодий (в Великоморавском государстве и в Блатенском княжестве в Паннонии), кириллица не известна. В них была распространена глаголица. В литературных же памятниках, восходящих к Восточной Болгарии, где в работе более поздней книжной школы царя Симеона (X в.) использовалась кириллица, следов глаголицы почти не находят.

2) В 1047 году в Новгороде поп Упырь Лихой написал рукопись "Пророки с толкованиями". Сохранились копии, сделанные с нее, которые донесли до нас и запись попа Упыря середины XI века: "Слава Тебе, Господи, царю небесный, яко сподоби мя написати книги сия ис куриловице". В списках содержатся отдельные буквы и даже целые слова, написанные глаголицей, которые поп Упырь, очевидно, механически переписал из оригинала. Эта запись может свидетельствовать о том, что в Новгороде в XI веке "кириллицей" называлось глаголическое письмо. Наличие глаголических букв и слов в тексте говорит о том, что образец для кириллического текста был глаголический. В памятниках, написанных кириллицей, нередко встречаются отдельные слова или Предложения, записанные глаголицей. Это свидетельствует о том, что текст списан с глаголического. Напротив, все известные кириллические приписки в памятниках, написанных глаголицей, позднейшего происхождения.

3) Памятники, написанные глаголицей, как правило, более архаичны по языку, чем кириллические тексты, что должно указывать на их связь с первыми славянскими переводами.

4) Глаголица менее совершенна по составу букв, чем кириллица; например, в ней используется одна и та же буква для обозначения открытого гласного переднего ряда э и а после мягкого согласного, очень близких по звучанию. В кириллице же для каждого из этих звуков введена своя буква: и . Это значит, что составители кириллицы уже имели опыт использования письма для записи славянской речи.

5) В кириллице используются буквы, обозначавшие звуковые сочетания, которые могли появиться у славян лишь с конца IX - начала X в. Это заимствованные из греческой

азбуки буквы "пс" и "кс" . В глаголице этих букв не было, так как в середине IX века в живой речи славян не могло быть таких сочетаний звуков.

б) Основным писчим материалом в те времена служил пергамен - специально обработанная кожа молодого животного (теленка, козленка, ягненка). Это был довольно дорогой материал, поэтому нередко прибегали к использованию старой книги для записи нового текста. Для этого старый текст смывался (или соскабливался) и поверх него писали новый. Такой текст называется палимпсестом. Среди известных нам палимпсестов есть кириллические рукописи, написанные по смытой глаголице, но нет ни одного глаголического текста, написанного по смытой кириллице.

На более древнее происхождение глаголицы и ее связь с деятельностью Константина Философа указывает и ряд других обстоятельств, в том числе и источники происхождения каждого из алфавитов.

Нет сомнения, что кириллический алфавит - это точное повторение греческого литургического устава (унциала) IX-X вв. Этот почерк характеризуется как медленное и торжественное письмо, отличающееся красотой и правильностью, отчетливым архитектурным характером линий и незначительным числом сокращений. Он применялся для создания роскошных, каллиграфически исполненных церковных рукописей. Из глаголицы в него были введены знаки, обозначающие специфические славянские звуки, не свойственные греческому языку.

Происхождение знаков глаголицы более загадочно. Долгое время их также пытались отождествить с греческим алфавитом, но в ином, нежели устав, исполнении. Предполагалось, что они подражали греческой скорописи, возникшей в византийском делопроизводстве. Согласно этой точки зрения, обилие петель и округлостей в греческой скорописи побудило изобретателя глаголицы стилизовать почти все знаки при помощи петель. Если снять петли или перевернуть глаголические знаки под другим углом, то можно в них увидеть греческие буквы. Правда, почему в основу азбуки для церковных текстов недавно обращенных в христианство славян была положена скоропись, никогда не употреблявшаяся в то время в богослужебных рукописях, эта теория не объясняла. Начертания же букв, которым не находилось аналогий в греческом алфавите, объяснялись либо заимствованиями из скорописных лигатур, т. е. соединении двух разных знаков в один, либо, в очень редких случаях, - из других алфавитов. Отмечалось их близкое родство с аналогичными кириллическими знаками. Однако даже при поверхностном сравнении глаголицы и греческой скорописи можно понять, как они далеки друг от друга. Нужна незаурядная фантазия, чтобы увидеть их сходство.

На смену такой интерпретации происхождения глаголицы пришли другие, более критически оценивающие ее связь с греческой скорописью. Связь с другими, в том числе восточными, алфавитами усматривалась уже не на уровне единичных, и поэтому необоснованных заимствований, а в более широком контексте. В результате глаголицу стали выводить из кириллицы, из рунического, финикийского, еврейского, самаритянского, эфиопского, хазарского, арабского, албанского, древнеперсидского, авестийского, грузинского, коптского, латинского, готского, клинописного и кипрского слогового письма, а также из магических, астрономических, медицинских и прочих существовавших в средние века знаков. После подобных работ ряд ученых пришел к выводу, что глаголица не может быть объяснена как изменение знаков одного алфавита (исходя из общепринятой интерпретации - греческого), и в то же время она не могла быть скомбинирована из переделанных букв разных азбук.

В конце 40-х - начале 50-х гг. независимо друг от друга двумя учеными в разных странах (Г.Чернохвостовым в Финляндии и Э.Георгиевым в Болгарии) был сделан вывод, что глаголица - не продукт эволюции какого-либо алфавита, а плод творчества одного человека, исповедующего христианство. В основу подавляющего большинства ее букв, с их точки зрения, положены три основных символа христианской религии: крест (символ

Христа), треугольник (символ Троицы) и круг (символ бесконечности и всемогущества Бога Отца).

Глаголические буквы Я и С, составленные из треугольника и круга, соседствуя в самом начале Евангелия от Иоанна (в самой первой фразе, переведенной Константином на славянский язык - "Искони б слово"), а также в сакральном сокращении имени Иисуса, образуют уравновешенный и богословски значимый графический ансамбль. Начинаящая азбуку буква А передана при помощи креста - символа Христа и одновременно знака молитвы при начале письма. Надо заметить, что в грузинской миссионерской азбуке такой же крест обозначает букву "кан", с которой начинается по-грузински слово Христос - "Кристе". Это совпадение не могло быть случайностью. Однако, принцип, который положен в начертания знаков всей глаголицы, исследователями определен не был.

Славянские рукописные книги

В старину не случайно говорили, что от списывания книг "трое благо получишь: первое - от своих трудов питаешься, второе - праздного беса изгоняешь, третье - с Богом беседовать научишься". Из столетия в столетие книги переписывались от руки. С самого начала возникновения славянской письменности создание книги, содержащей священные тексты, понималось как особое искусство. Существовали профессионалы, готовившие материал для письма, чернила, краски, переплеты, писцы-каллиграфы, художники, ювелиры. Рукописи ценились очень высоко. И не только потому, что они были сосредоточием человеческой и божественной премудрости. В них вкладывалось очень много труда и дорогостоящих материалов: хорошо выделанный тонкий пергамен, золото и привозимые из Византии дорогие краски; доски, которые служили рукописи переплетом помещали в оклад из драгоценных металлов, украшенный драгоценными камнями и высокохудожественными эмалями. Книга была настоящим произведением искусства!

Правда, такое роскошное оформление имели преимущественно богослужебные "напрестольные" Евангелия, чтение которых в храме было важной частью христианского ритуала и торжественно оформлялось. Они создавались по заказу князя или очень богатого человека в крупнейших скрипториях того времени. Принципы изготовления и декоративного оформления глаголических и кириллических рукописей были одинаковыми, ведь все они создавались по подобию греческих манускриптов. Поскольку ранних глаголических рукописей сохранилось очень немного, процесс изготовления ранних славянских рукописей удобнее рассмотреть на примере кириллической традиции.

Преобладающим материалом письма для книг вплоть до XV в. служил пергамен - тонко выделанная кожа молодых животных. Вначале его привозили из Византии, а затем стали изготавливать в местных мастерских. Пергамен не был греческим изобретением, он издревле употреблялся на Востоке. По традиции, его происхождение связывают с малоазийским городом Пергамом, где существовали большие мастерские по его изготовлению. В Византии была лишь усовершенствована его обработка.

Одно из его названий было charta и первоначально относилось к папирусу. Именно это название "хартия", наряду с терминами "мех" и "кожа" употреблялись в древнерусской традиции для обозначения пергамена, а рукопись, написанная на нем, называлась "харатейным письмом". Иногда пергамен назывался по тому животному, из которого он был изготовлен, - "телятина". Кроме кож телят на пергамен шли бараньи и козьи шкуры. В славянских рукописях употреблялся пергамен белого цвета, в западноевропейских наряду с белым встречается и черный, а в некоторых греческих рукописях пергамен бывает окрашен в голубой или пурпурный цвета. Одна из таких рукописей - знаменитый греческий "Пурпурный кодекс", хранящийся ныне в С.-Петербурге и датируемый VI в. Его буквы на пурпурном фоне выведены золотой и серебряной краской.

Для изготовления пергамена кожу промывали, держали в специальном растворе, очищали, растягивали, счищали мелом жир, гладили пемзой, выстигивали ножом и опять

шлифовали пемзой. Из шкуры одного животного можно было сделать лишь 7-8 листов, а для книги в 200 листов требовалось обработать не менее 25 шкур.

Выделка пергамена, особенно тонкого и гладкого, без швов и брака было делом нелегким. Поэтому на первых порах он был привозным, преимущественно из Византии. В Новгород мог поступать западный пергамен, привезенный из стран Ганзейского союза. Вследствие дороговизны пергамена его употребляли иногда дважды. Для этого смывали молочной кислотой или соскабливали первоначальное письмо, ставшее уже ненужным. Такой материал называется палимпсестом. И хотя обработанный таким образом пергамен был вполне пригоден для нового письма, все же контуры прежних букв проступают. Именно благодаря этому современные исследователи при помощи ультрафиолетовых и инфракрасных лучей могут восстановить более ранний, иногда очень редкий текст.

Рукописи различались по формату листов, на которых они были написаны: "в десять", "в полдесять", "в малую десять". И хотя такое строгое разграничение характерно только для бумажных книг и рукописей, которые использовали стандартные форматы листа, пергаменные рукописи по размеру сходны с бумажными. Обычно книги делались в лист (*folio*, "в десять", на самом деле это соответствовало половине большого Александрийского листа), в четверть, в восьмую долю листа. Выбор того или иного формата книга определялся ее назначением, а также удобством пользования ею. Например, напрестольные евангелия были большого формата. Таковы древнерусские евангелия XI в. Остромирово (35 на 30 см.) и Мстиславово (35 на 28,5 см.). Для домашнего же употребления обычно писались рукописи в четверку или восьмушку.

После выбора размера книги писец или кто-либо другой, если работа производилась в большом скриптории, разрезал выделанные листы пергамена. Затем он размечал лист с учетом того, что впоследствии лист будет складываться вдвое. Для этого по линейке мастер наносил проколы на краях листа при помощи шила или циркуля. По проколам острым инструментом прочерчивались линии, отбивающие поля ("берега", как говорили в древности) и линейки для письма. Существовали также особые металлические рамки *хараксало* или *каракса* (от греч. - писать, ср. лат. *charaxare*), позволявшие линовать весь лист сразу.

Как правило, нижнее поле было всегда больше верхнего. Можно предположить, что книжный мастер придерживался тех же принципов, что и иконописец. На древнерусских иконах нижнее поле всегда больше верхнего, а две полосы, отмечающие поля листа, как бы повторяли две линии "лузги" иконы, которая отделяла ее внутреннее поле от внешнего.

Обе половины двойного листа линовались сразу. Линию наносили путем вдавливания специальным металлическим или костяным инструментом. Графили все листы подряд, даже иногда те, на которых затем помещали иллюстрации. Объяснить это можно тем, что рассчитать, сколько листов займет тот или иной текст, было невозможно, поскольку плотность письма у каждого писца была разная.

Судя по изображениям пишущих апостолов в ранних рукописях, писец заполнял отдельные листы, которые после просушки складывались пополам в тетради из 8 листов-половинок (что составляло 4 больших листа). Этот обычай складывать тетрадь из 4 листов унаследован от греков, от которых заимствовано и само это слово - "четверка", а также - "тетрадь". Впрочем, в греческой письменности существовал и другой способ складывания тетради: не по 8, а по 6 листов. В некоторых случаях и в древнерусской традиции встречаются подобные тетради из 6 листов. Стандартный состав тетрадей рукописей впоследствии перешел в практику изготовления печатных книг.

Тетради внизу на первой странице обычно нумеровались существовавшей тогда буквенной системой. Страницы в древних рукописях никогда не обозначались. Считались только целые листы, но и те - не всегда. Часто рукопись имела лишь тетрадную нумерацию, которая лишь позднее была дополнена полистной.

Для ранних рукописей, особенно большого формата, характерно расположение текста в 2 столбца. Текст записывался сплошной строкой, без разделения ее на слова. Ровный и монументальный почерк ранних кириллических рукописей называется "устав". Писец писал по одной линейке, очень тщательно выдерживая высоту букв. Даже в тех случаях, когда в создании рукописи участвовало несколько писцов и индивидуальные особенности их почерка сильно разнятся, они все равно сохраняли общую высоту букв и общий стиль начертаний. В греческой скорописи существовал также способ письма под линейками, когда буквы как бы свешиваются с них. В славянских рукописях такой способ письма встречается очень редко (например, в "Листках Ундольского" XI в. и сербском Вуканове Евангелии XII в.).

В качестве орудия письма писец использовал гусиные перья, специально отточенные ножом. Ими пользовались для письма вплоть до второй половины XIX в. Изредка писцы использовали необычные перья. Так, в Псковском апостоле 1307 г. есть приписка: "псал есмь павьим пером". Ошибки вычищали ножиком, губкой или пемзой, а затем выравнивали пергамен подскребком.

Для письма по пергамену употреблялись чернила, или, как тогда говорили, «чернило». Их делали из смеси чернильных орешков (наростов на дубовом листе), железных опилок и вишневого клея, которые варили на квасе или меду при определенной температуре. Иллюстрации и орнамент выполнялись яркими и сочными красками, сделанными из минеральных и органических красителей. Такие краски называются темперой.

Церковнославянский язык

Церковнославянский язык - это средневековый литературный язык, сохранившийся до нашего времени в качестве языка богослужения. Восходит к созданному Кириллом и Мефодием на основе южнославянских диалектов старославянскому языку. Древнейший славянский литературный язык распространялся сначала у западных славян (Моравия), затем у южных (Болгария) и в конце концов становится общим литературным языком православных славян. Этот язык получил также распространение в Валахии и некоторых областях Хорватии и Чехии. Таким образом, церковнославянский язык с самого начала был языком церкви и культуры, а не какого-либо отдельного народа.

Церковнославянский язык был литературным (книжным) языком народов, населяющих обширную территорию. Поскольку он был, в первую очередь, языком церковной культуры, на всей этой территории читались и переписывались одни и те же тексты. Памятники церковнославянского языка испытывали влияние местных говоров (сильнее всего это отражалось на орфографии), однако строй языка при этом не менялся. Принято говорить об изводах (региональных вариантах) церковнославянского языка – русском, болгарском, сербском и т.д.

Церковнославянский никогда не был языком разговорного общения. Как книжный он был противопоставлен живым национальным языкам. Как литературный он был нормированным языком, причем норма определялась не только местом, где был переписан текст, но также характером и назначением самого текста. Элементы живого разговорного (русского, сербского, болгарского) могли в том или ином количестве проникать в церковнославянские тексты. Норма каждого конкретного текста определялась взаимоотношением элементов книжного и живого разговорного языка. Чем важнее был текст в глазах средневекового книжника-христианина, тем архаичнее и строже языковая норма. В богослужебные тексты элементы разговорного языка почти не проникали. Книжники следовали традиции и ориентировались на наиболее древние тексты. Параллельно с текстами существовала также деловая письменность и частная переписка. Язык деловых и частных документов соединяет элементы живого национального языка (русского, сербского, болгарского и т.п.) и отдельные церковнославянские формы.

Активное взаимодействие книжных культур и миграция рукописей приводили к тому, что один и тот же текст переписывался и читался в разных редакциях. К 14 в. пришло понимание того, что тексты содержат ошибки. Существование разных редакций не позволяло решить вопрос о том, какой текст древнее, а следовательно лучше. При этом более совершенными казались традиции других народов. Если южнославянские книжники ориентировались на русские рукописи, то русские книжники, напротив, считали, что более авторитетной является южнославянская традиция, так как именно у южных славян сохранились особенности древнего языка. Они ценили болгарские и сербские рукописи и подражали их орфографии. Вместе с орфографическими нормами от южных славян приходят и первые грамматики. Первой грамматикой церковнославянского языка, в современном значении этого слова, является грамматика Лаврентия Зизания (1596). В 1619 появляется церковнославянская грамматика Мелетия Смотрицкого, которая определила позднейшую языковую норму. В своей работе книжники стремились к исправлению языка и текста переписываемых книг. При этом представление о том, что такое правильный текст, с течением времени менялось. Поэтому в разные эпохи книги правились то по рукописям, которые редакторы считали древними, то по книгам, привезенным из других славянских областей, то по греческим оригиналам. В результате постоянного исправления богослужебных книг церковнославянский язык и приобрел свой современный облик. В основном этот процесс завершился в конце 17 в., когда по инициативе патриарха Никона было произведено исправление богослужебных книг. Поскольку Россия снабжала богослужебными книгами другие славянские страны, послениконовский облик церковнославянского языка стал общей нормой для всех православных славян.

В России церковнославянский язык был языком церкви и культуры вплоть до 18 в. После возникновения русского литературного языка нового типа церковнославянский остается лишь языком православного богослужения. Корпус церковнославянских текстов постоянно пополняется: составляются новые церковные службы, акафисты и молитвы. Являясь прямым наследником старославянского языка, церковнославянский до сегодняшнего дня сохранил многие архаичные особенности морфологического и синтаксического строя. Он характеризуется четырьмя типами склонения существительного, имеет четыре прошедших времени глагола и особые формы именительного падежа причастий. Синтаксис сохраняет калькированные греческие обороты (дательный самостоятельный, двойной винительный и др.).

Наибольшим изменениям подверглась орфография церковнославянского языка, окончательный вид которой сформировался в результате «книжной справки» 17 в.

Вопросы по теме:

1. Перечислите существующие точки зрения на время появления славянской письменности.
2. Докажите маловероятность существования развитой славянской письменности до деятельности Константина и Мефодия.
3. Укажите причины появления в Моравии миссии Константина и Мефодия.
4. Расскажите о деятельности Константина и Мефодия.
5. Перечислите доказательства большей древности глаголической азбуки и ее изобретения Константином (используйте в своем рассуждении трактат черноризца Храбра «О письменах»)
6. Объясните, как соотносятся старославянский и церковнославянский язык, расскажите о русском церковнославянском языке.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Древо жизни. М., 1983.
2. Бернштейн С.Б. Константин-философ и Мефодий. М., 1984.
3. Введение христианства на Руси. М., 1987.
4. Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. М., 1971.
5. Власов В.Г. Славянская азбука и славянские просветители. М., 1989.
6. Державин Н.С. Славяне в древности. М., 1946.
7. Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1990.
8. Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979.
9. Кондрашов Н.А. Славянские языки. М., 1982.
10. Корольюк В.Л. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985.
11. Пигулевская Н.В. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976.
12. Попович М.В. Мироззрение древних славян. Киев, 1985.
13. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
14. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
15. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
16. Собинникова В.И., Чижик-Полейко А.И. Из истории письменности и литературного языка славян. М., 1971.
17. Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян. М., 1980.
18. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962.
19. Хабургаев Г.А. Становление русского языка. М., 1980.
20. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1953.
21. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.
22. Рыбаков В.А. Язычество древних славян. М., 1981.
23. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). М., 1965.
24. Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
25. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
26. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Спб, 1995.
27. Ивлева Л.М. Ряженые в русской традиционной культуре. Спб, 1994.

Словари

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М., 1964-1973.
3. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н.Трубачева. М., 1974. Т.1.
16. Славянские древности. Этимологический словарь. Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995.
5. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.